

Прокурорская судьба

НКВД СССР

УПРАВЛЕНИЕ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Наблюдатели

(инициативные органы, возбуждающие дела)

Каблюк Александр
(индивидуальное дело, возбужденного дела)

ДЕЛО

№ 5017

Колупаева
Марья Ивановна

ТОМ № _____ на _____ листах

Начато „ _____ “ _____ 194 г.

Окончено „ _____ “ _____ 194 г.

35

Еще не так давно, лет сто назад (в исторической перспективе – один миг), в российском народе бытовало представление о судах человеческих, постыжаемых Богом. Но, пожалуй, даже в самые мрачные периоды нашей истории не была столь злободневной старинная поговорка «Где суд, там и неправда», как в советскую эпоху. На Лобное место возшло огромное количество граждан, приговоренных государством к смерти за небывшие преступления – нередко только за то, что они оставались людьми среди озверевшей толпы современников. Мученики уносили с собой главную тайну бытия: каким чудом и силой им удавалось сохранить в себе огонь Божественной любви и согреть им мертвые конструкции социальной истории. Через много десятилетий после несправедного судилища, после мучительной смерти, которая постигла каждого из них, государство формально признало свою «ошибку». Оказалось, что их «дела» построены на клеветнических наветах, подверстаных к политическому заказу. Безнадежно запоздалые юридические вердикты государственного правосудия о невиновности жертв террора в итоге мало добавили правды и справедливости в наше общество. И прежде всего потому, что толпа, еще недавно соглашавшаяся существовать за счет гекатомб невинных жертв, по сути, всегда знала, что ее относительное благополучие

построено на неправде и на мучениях гонимых. И так же твердо, пусть и подспудно, она и сейчас знает одно: государство несправедливо судит, но ответственность за это никто не несет. Есть вожди, которые ошибались, и есть палачи, которые исполняли ошибочные приказы, но среди них нет преступников. Плох Сталин, но он обладал выдающимися организаторскими способностями, и, в конце концов, перед ним трепетал весь мир. Он – модный нынче оборот мысли – часть нашей истории, и его портреты в мундире генералиссимуса по-прежнему украшают ветровые стекла автомобилей и будки сапожников на улицах наших городов. Плох и генеральный прокурор Вышинский, но его теория о главенствующем значении в судебном процессе самопризнания обвиняемого («презумпция виновности»), фактически оправдывающая пытки, до сих пор греет сердца иных блюстителей закона.

И в каждом (подчеркнем это), в каждом российском городке, в почете и мире доживали (и доживают – в назидание законопослушным гражданам) вершители судеб человеческих «районного масштаба». Они в свое время беспощадно пропальывали вверенную им долю общества, вытравляя в народе чувство человеческого достоинства и благородства. Над их конкретными деяниями до сих пор не произнесено слово осуждения, не вынесен окончательный приговор совершенным ими злодеяниям. Биографии палачей вплетены в ткань народной жизни и до сих пор не просеяны через сито нравственного суждения и очищения. А поэтому стоит ли удивляться той любви, пусть и извращенной, которую испытывает наше общество к своим мучителям, видя в них образ сильного человека и руководителя. Так люди, не разобравшись во лжи, которую допустили их предки, движутся в те края, где нет воды живой.

Судьбе было угодно – здесь пристало начать старинным оборотом, взятым из летописей, – во время написания этой книги приоткрыть завесу над обликом одного из тех рядовых исполнителей, которыми существовал сталинский режим. В удачной архивной находке, полагает автор, проявился закон исторической справедливости. Из-под песка забвения проступили черты палача и одновременно жертвы. Личность военного юриста второго ранга, прокурора города Ногинска оказывается до боли знакомой; прихотливо изощренные линии русского общественного развития вылепили из грубой глины революции *управленца*, одно из тех удивительных

созданий, благодаря которым человеческий род стал стремительно возвращаться в первобытное состояние.

Борис Анатольевич Голубниченко, кажется, был создан для истового служения Фемиде. Однако не той, что скрупулезно взвешивает на весах правосудия малейшие обстоятельства дела, но Фемиде партийной, скроенной на кривой шемякинский манер и перекошенной в сторону Целесообразности, а отнюдь не Справедливости. Для создания подобного типа история выкинула оригинальное коленце и замесила тесто в квашне одного из первых советских концлагерей. Родившись в Петербурге 19 ноября 1906 года в семье рабочего, Голубниченко двенадцати лет – в весеннем половодье революции – остался без отца, а через год оказывается полным сиротой. Еще при жизни матери начинает кочевую жизнь и в 1919 году пристраивается к одной из частей 4-й кавалерийской дивизии (Южный фронт). По собственному признанию, до конца Гражданской войны находится в действующей армии и участвует в боях¹⁵⁹. С начала 1921 года в Красной Армии проводится кампания по очистке ее рядов от недорослей. Всех малолетних бойцов направляли в детские дома. Борис Голубниченко также оказывается в одном из подобных заведений – в Краснодаре (детский дом № 10). Здесь воспитанники устраивают «большую бузу», до полусмерти избивают завхоза. О размерах происшествия и тяжести содеянного красноречиво говорит тот факт, что губернский Наробраз счел нужным всех подростков этого детского заведения разослать по исправительным колониям¹⁶⁰. Так пятнадцатилетний Борис оказывается в станице Словенская, в детской исправительно-трудовой колонии имени Третьего Интернационала.

Коллектив малолеток, прошедших огонь и воду беспризорничества и босячества, быстро сорганизовался по примеру взрослых уголовных кланов, со своей иерархи-

ей, основанной на блатных понятиях и культуре жестокости. Судя по всему, Борис не отличался ни физической силой, ни особой смелостью. Его внешний облик, сохранившийся на поздней фотографии, выдает человека сугубо канцелярского склада. Такому не сладко приходится в среде, где бушует вольница страстей, игра мускулов и нервов. Ему оставалось только опуститься на самое дно жизни (то ли вследствие унижений, то ли в силу инстинкта выживания, требующего зарыться в ил и затаиться) или... наоборот, подняться в верхние, привилегированные слои.

Еще в армии Борис вступает в комсомол (1920 год), и теперь это последнее обстоятельство приходит на выручку. В колонии его «избирают» (читай «назначают». Тут уместно спросить: а за какие заслуги?) секретарем ячейки РКСМ.

Это и стало отправной точкой в советской и партийной карьере Голубниченко. Подъем начинается в исправительном лагере имени Третьего Интернационала и через четверть века заканчивается на одноименной улице в райцентре столичной области социалистической супердержавы¹⁶¹.

Освободившись в июне 1922 года, Голубниченко уезжает в Харьковскую губернию (поселок Высокий), устраивается там пастухом и одновременно возглавляет местную комсомольскую ячейку. Здесь Бориса настигает тяжкий недуг, который, как ни странно, способствует его карьерному росту. Во время службы в конармии он слетел с лошади, и теперь это падение дает себя знать серьезным заболеванием позвоночника. Следует операция и запрет врачей на физический труд. Не имея ни образования (со временем он окончил семь классов единой трудовой школы), ни профессии, он отныне мог кормиться только на пажитях идеологии, то есть в той нематериальной, почти эфемерной сфере, где основными

достоинствами являлись исполнительность и преданность партийному руководству. Для успешной деятельности в этой области у Голубниченко имелись все предпосылки. По жизни так сложилось, что он не чувствовал кровной связи с народом, с его проблемами и болями. Его сознание не было обременено грузом исторической и семейной памяти. Он был абсолютно свободен от духовных и культурных предпочтений, привязанностей и склонностей, бытующих в обществе, где чтут традиции. С малых лет приученный к армейской жесткости, к стихии войны, к преклонению перед солдатской дисциплиной, противостоящей хаосу одичавшей толпы, он в поднебесной признавал только одну благую силу – власть. Только суровая власть может организовать «человеческий материал» и построить удобный для существования муравейник. Любые меры и способы хороши для воспитания масс, для их превращения в послушных членов всемирной армии труда. Еще со времени своего столкновения с грубой и неуправляемой уличной оравой в детском доме, а позже и в исправительной колонии (где многие, превосходя в физической силе, возвышались над ним), Борис оценил все прелести казарменного порядка и возможность преданностью руководящей идее получать защиту и покровительство. Этому высшему порядку он был готов истово служить и преданно учиться премудрости послушания у старших и ответственных (что всегда означало – у высших по званию и должности) товарищей.

Оправившись после болезни, в январе 1925 года Голубниченко переезжает к родственнику в Орехово-Зуево Московской губернии. Причем уже сам переезд происходит, как он пишет в автобиографии, «по разрешению ЦК ВЛКСМ». С тех пор каждый его шаг санкционирован партией и всегда мотивирован служением выс-

шей инстанции, которым можно оправдать любые средства в достижении цели.

Три года он служит на низшей пропагандистской должности – заведует деревенской избой-читальней. За это время вступает в ВКП(б), становится секретарем первичной партийной ячейки, оканчивает губернские курсы политпросветработников. Наконец в мае 1928 года на местной партийной конференции его избирают секретарем Ленинского волостного комитета партии (Орехово-Зуевский уезд). Через год он уже инструктор Шатурского райкома Московской губернии, заведующий его агитационно-массовым отделом, а вскоре и заместитель

председателя Шатурского райисполкома. В октябре 1932 года двадцатишестилетний функционер по воле начальства – Московского губернского комитета ВКП(б) – превращается в прокурора. Шесть лет он надзирает за законом в Шатурском районе, еще год в Павлово-Посадском, а затем занимает должность прокурора Ногинского района и по совместительству исполняет обязанности прокурора соседнего военно-промышленного городка Электросталь¹⁶².

Еще весьма молодым человеком Голубниченко входит в номенклатуру, в так называемую «двадцатку» районных руководителей, которых полагалось снабжать по высшим нормам, существовавшим тогда в стране¹⁶³. Едва переехав в Ногинск, он получает отдельную удобную квартиру в центре города, в роскошном по тем временам «четвертом ДOME Советов». Мрачноватое кубистическое четырехэтажное здание, построенное, как гласит надпись на фронтоне, в 1929–1930 годах, занимало целый квартал и одной стороной выходило в Толстовский переулок, как раз напротив тюрьмы, а другой стороной смотрело на памятник Ильичу, возведенный на месте снесенной часовни. Символично, что каменный Вождь своей протянутой рукой указывает прямо на узилище, как бы постоянно напоминая горожанам конечную цель своих грандиозных замыслов. Символично и то, что его верный последователь квартировал напротив каземата и из окон его жилища и днем и ночью, открывался незабываемый, сжимающий всякое русское сердце метафизической тоской, вид на серый застенок, в котором томились фигуранты бесчисленных прокурорских дел. Дом Советов нависал над перекрестком улиц и судеб. Обитать здесь очень удобно, под боком подследственные, недалеко прокуратура и суд, горком и райком, недреманное око государево, НКВД, в недрах коего исчис-

лены все людишки района с их прегрешениями и слабостями. Все условия создали ответственным работникам, лишь бы они жили и трудились не за страх, а за совесть.

Партия освободила своего «послушника» от мелких и тягостных забот социалистического быта. Московский губком партии послал Бориса Анатольевича на юридический фронт по «мобилизации», «в целях укрепления органов»¹⁶⁴. Предполагалось, что молодой комиссар будет гореть на работе, осуществляя центральную партийную линию в карательной политике. А годы для органов стояли самые жаркие! Раскулачивание, уничтожение крестьянства и интеллигенции, окончательное разорение Церкви и народного самосознания, подавление свободной научной мысли и художественного творчества, кровавая прополка в самой среде коммунистических функционеров. Во всех этих кампаниях в стратегически важных районах страны принимал участие Голубниченко. Санкционировал аресты, расстрелы, пытки ни в чем неповинных людей. И не только уцелел (в отличие от иных своих коллег по работе), но и получал правительственные награды и в конце концов пошел на очередное повышение. В феврале 1943 года он «избран» председателем Ногинского горисполкома.

Был он невысокого роста. На фотографии из его личного дела сквозь стекла небольших очков в роговой оправе на нас строго смотрит гладко выбритый «товарищ» в наглухо застегнутом черном пиджаке, с орденской планкой на груди и авторучкой, деловито выглядывающей из нагрудного кармана. Для него естественным было всегда носить галстук, и так же естественно он всегда ощущал собственную значимость и особую ценность своего жизненного назначения. Малообразованный (несмотря на оконченный в 1932 году заочный коммунистический университет имени Я. Свердлова, писал с

чудовищными ошибками: слово «жилищные» – через «е», а «пребывание» – через «и» и так далее), он обладал юрким умом и всегда чутко улавливал, что от него ожидают вышестоящие инстанции. Чем-то его облик напоминает Молотова: такой же аккуратный, затянутый в костюм чиновник. Многолетнего председателя Совета Народных комиссаров и министра иностранных дел за удивительную работоспособность и исполнительность за глаза называли «каменной задницей», а за неукоснительную верность директивам Кремля иностранцы дали ему прозвище «Господин Нет». Голубниченко являлся совершенным воплощением «человека в футляре», идеальным управленцем, который в советскую эпоху заменил собой уничтоженную интеллигенцию. Он терпеть не мог компаний, дружеских посиделок, застолий. Голубниченко ни с кем не позволял себе сблизиться, у него не было друзей. Жил только государственными задачами и выполнением очередного плана, спущенного сверху. О стиле его руководства уже после понижения в должности, в бытность Голубниченко директором хлебокомбината, вспоминает его бывший подчиненный Александр Дубков: «За невыполнение плана в те времена строго наказывали. Тогда цифры планового задания не корректировали. И вот, когда приближался конец квартала, Борис Анатольевич самолично шел в цех на место бракера (контролера готовой продукции). Тем самым, конечно, воздействовал на людей, подстегивал коллектив, и план, как правило, выполнялся».

Однако эта ревностность в работе, это горячее стремление выполнить задание, похоже, были вызваны не чем иным, как страхом перед Государством, беспощадность которого он слишком хорошо знал по собственной партийно-прокурорской практике.

Тогда существовал обычай, точнее назвать его священнодействием, круглосуточных дежурств ответствен-

ных работников на предприятиях в дни государственных праздников. У Голубниченко был свой подход к его выполнению. Седьмого ноября или Первого мая он никого из подчиненных не назначал на эту ответственную вахту, не доверяя им. Единственным стражем комбината мог быть только он сам, его хозяин. В канун красных дат он оставался на ночь у себя в кабинете. По его убеждению, одно то, что он спал на рабочем месте, обеспечивало нужный порядок.

Все, что противоречило спущенной сверху идеологической партитуре, он рассматривал как диссонанс, подлежащий устранению. Жизнь должна вмещаться в рамки, начертанные партией.

За заслуги на поприще законности Голубниченко наградили именными часами. Он всегда сверял свое внутреннее время с кремлевскими курантами. «Политически грамотный, идеологически выдержанный», – отмечают официальные характеристики его особо ценные качества¹⁶⁵.

Личность Марфы для него являлась недоразумением, пережитком прошлого и безусловно подлежала уничтожению. «Безусловно...» Необходимость вынести смертный приговор неосознательной крестьянке Кондратьевой (а приговор, по сути, оказался расстрельным) витала в воздухе. Это было что-то вроде простейшей аксиомы, которая заложена в самом порядке вещей и которую нужно всего лишь юридически «оформить». Зачем копаться в материалах «дела»? Достаточно посмотреть на подсудимую – и все становится ясным. Таких «элементов» ногинский прокурор много перевидал на своем веку, глаз уже наметан, решение принято давным-давно – может быть, еще до его рождения. Советский прокурор должен воплощать неумолимую поступь истории, суровые законы марксистской диалектики.

17

Впрочем, объективные законы истории подмяли под себя и самого Голубниченко. В том круге избранных хозяев жизни, в который он поднялся со дна исправительно-трудового учреждения, обитали большие специалисты по подсиживанию друзей-товарищей, поеданию конкурентов на теплые места под солнцем. В июне 1947 года (Сталин как раз начал очередную кампанию по выкашиванию старых партийных кадров) Голубниченко сместили с должности председателя горисполкома с формулировкой: «Не справился с задачей улучшения бытовых и жилищных условий трудящихся»¹⁶⁶. Так он приземлился в кресло директора местного хлебокомбината. Очень возможно, что для его снятия с поста главы городской власти использовали неприятную историю — от подобного поворота судьбы, впрочем, не был застрахован ни один из обитателей номенклатурного Олимпа. Несовершеннолетний сын Голубниченко в то время, ког-

да отец сгорал на работе, потихоньку завладел его револьвером, обратив последний в предмет детских несознательных развлечений. «Товарищ сына», как самокритично — и, конечно же, бесстрастно! — излагает в собственной автобиографии Борис Анатольевич, вынес оружие во двор, выстрелил «и поранил легко щеку дочери соседа»¹⁶⁷.

Конечно, папе вынесли партийное взыскание, но, учитывая «чистое» классовое происхождение его отпрыска, уголовного дела не возбудили. (Это ведь не семья крестьян Кондратьевых. Те хоть и сдадут в сельсовет оружие, случайно найденное на дороге¹⁶⁸, а все равно остаются на подозрении у органов, потому как социально чуждые.)

Но у железного прокурора, кристально исполнительного управленца были и человеческие черты. Жена его, Мария Прохорова (1908 г. р.), не могла иметь детей. Рано осиротев и познав, что такое беспризорная жизнь, Голубниченко усыновил двух девочек и мальчика («шалость» которого так по-недоброму использовали его недруги).

Александр Михайлович Дубков (1933 г. р.), ныне главный инженер «Мособлхлеба», тепло вспоминает своего бывшего начальника. «Я жил недалеко от хлебокомбината. Мы, мальчишки, постоянно хороводились возле комбинатских ворот. Борис Анатольевич большое внимание уделял спорту — лыжную секцию организовал, тренера футбольного завел, построил стадион, — нас все это привлекало. Построил новые заводские корпуса, пытался модернизировать предприятие. В те годы очень плохо обстояло с жильем. Он начал строительство поселка из 16 домиков для рабочих. За это он, собственно, и поплатился карьерой. Предприятие не имело необходимых средств для возведения жилья. И он потратил на

это деньги из оборотных средств. Перерасход вышел в миллион с небольшим рублей»¹⁶⁹.

В 1958 году когда-то грозного прокурора перебросили на руководство жилищно-коммунальным хозяйством – начальником банно-прачечного треста, но вскоре списали на почетную пенсию.

Еще не старый человек (в ту пору ему было немногим за пятьдесят), он физически представлял собой развалину. Из-за болезни позвоночника его со временем все больше пригибало к земле – рос горб, и Голубниченко всегда из-за этого смотрел вниз, а если перед ним стоял собеседник, то рассматривал того как бы исподлобья (такой взгляд изображают книжные иллюстраторы и у незабвенного Иудушки Головлева).

Ногинский старожил Евгений Маслов (1941 г. р.) вспоминает характерную картинку из своего послевоенного детства: «Помню, Голубниченко, единственный во всем городе, ездил на пролетке. Она представляла собой двухместную рессорную коляску с кучером. Всегда в черном костюме, в очках и с палкой в руке, Борис Анатольевич строго восседал на заднем сиденье. Мне на него показывала мама. Как же? Бывший прокурор города! Все вокруг трепетало».

Человек, принесший горе во многие семьи Богородской земли, спокойно, ни в чем не раскаиваясь, дожил до семидесяти лет и в конце концов с почетом похоронен на городском кладбище.

Сейчас еще здравствует и трудится на руководящей должности в Москве упомянутый Александр Дубков. В свое время молодого инженера благодетельствовал Голубниченко, разглядев в нем будущего дельного специалиста и продвинув по служебной лестнице. Александр Михайлович, уходя на повышение в столицу, бережно сохранил личное дело своего патрона. Сейчас уже его под-

чиненный, нынешний директор Ногинского хлебокомбината Виталий Кузнецов создает заводской музей, в котором одно из почетных мест займет экспозиция, связанная с биографией бывшего прокурора. Уже написан большой масляный портрет этого, как еще недавно гласила магическая формула идеологической стерильности и благополучия, «выдающегося партийного и советского деятеля» (пусть и районного масштаба). Конечно, понятна тяга людей к преемству, к сохранению традиций и исторической памяти, к идеалу. Но почему этим идеалом вновь и вновь в нашей отчизне становится палач и недочеловек?¹⁷⁰

в глухой Сибири

36

Суд, назначенный на 10 часов утра 24 декабря, должен был стать показательным. Хотя в протоколе подготовительного заседания Военного трибунала указывалось, что слушания пройдут «без участия сторон» (то есть без участия адвоката) и «при закрытых дверях»¹⁷¹, но прокурор решил использовать воспитательную силу советского правосудия для воздействия на районные массы. Дело Марфы сочли нужным рассмотреть одновременно с делами целой группы лиц, также обвинявшихся в «пораженческих» и «антисоветских» настроениях по 58-й статье. Об остальных подсудимых ничего не известно, но есть основания предполагать, что это также были православные верующие¹⁷².

Накануне, 23 декабря, Ольгу Кондратьеву срочно вызвали в сельсовет и вручили повестку для отправки на следующий день на трудовой фронт в район Серпухова. За всеми тревогами военного времени власти не упускали случая изобретать способы наиболее болезненного воздействия на своих внутренних «противников». Нельзя допустить присутствия на процессе дочери государственной преступницы, чье «злодеяние» для общества столь опасно, что заседание трибунала возглавил сам его председатель, В. Ипатов. Впрочем, на закрытый суд она все равно не попала бы, но могла стоять под дверями и тем самым оказывать моральную поддержку матери. Саму

18

возможность подобной молчаливой солидарности и необходимо было пресечь на корню.

О внутреннем состоянии домочадцев рассказывает Мария Чельшева:

«Мы все дни после ареста мамы ни о чем не могли думать. Одни слезы у нас. Как же: маму судят!»

Ольга Степановна вспоминает:

«Я двадцать третьего не пошла на отправку. Двадцать четвертого рано утром направилась в горисполком. Там был Терехов, председатель горисполкома¹⁷³. Я – к нему.

«Ради Бога, – говорю, – уж дайте возможность, чтобы я сегодня, двадцать четвертого, не отправлялась в Серпухов. Мне нужно узнать приговор – маме суд сегодня». – «А по какой статье?» А я не знала, что такое эта статья пятьдесят восьмая, я понятия не имела. «Пятьдесят восьмая», – говорю. Он кричит: «Не поедешь – тебя будем судить».

Ну, вот, я пошла все же на суд. Не пошла, а побежала. Ее закрытым судом, за закрытыми дверями судили. Их судили вместе человек двенадцать».

37

Особняк, в котором размещался народный суд, до сих пор стоит на пересечении все той же улицы Третьего Интернационала с улицей Климова (бывшим Морозовским шоссе, переименованным в честь старого большевика). Не исключено, что в конце XIX века это одноэтажное кирпичное строение принадлежало кому-нибудь из инженеров или высших служащих ткацкой мануфактуры Морозова¹⁷⁴.

После революции дом национализировали, и с начала двадцатых годов в нем размещался первый в городе комсомольский клуб. В то переходное время в «комсомолию» вступали немногие (в отличие от последующих десятилетий): большинство еще стыдилось членства в этой организации. Однако в провинциальных городках комсомольский клуб являлся чуть ли не единственным местом, где молодые люди имели возможность развлечься. В частности, потанцевать под модные мелодии. На подобные то приманки и поддавалась молодежь. Одна из местных благочестивых бабушек так объясняет грех своей молодости – частые посещения комсомольского клуба: «Молодая была. Хотелось погулять вволю, а для этого нужна была свобода, независимость от мнений старших по возрасту».

Вожаки комсомола рассчитали правильно. Если к ним не идут за идеей, то пусть идут за правом на «свободную» мораль. В те годы, сразу после окончания мировой и гражданской войн, все бросились танцевать.

Где только тогда не плясали! Тихвинское кладбище в центре Богородска за одну ночь власти сравняли с землей; мраморные надгробия и кресты сбросили в ямы, которые утрамбовали глиной и присыпали песком. А на следующий после погрома вечер на этой своеобразной площадке над костями предков уже отплясывала толпа молодежи¹⁷⁵.

В 1925 году помещение клуба перестроили: появилась второй этаж. С 1931 года в нем разместился «народный суд», а во время Отечественной войны – Военный трибунал.

Происходящее в зале заседаний Трибунала родственники Марфы могли наблюдать только через верхнюю, стеклянную, часть двери, замазку на которой они расковыряли в нескольких местах. Обвиняемые сидели на лавках, за высоким барьером. Когда зачитали приговор, на скамье подсудимых произошло какое-то движение. Ольга увидела, как мать (кажется, та хотела что-то сказать) упала без чувств и руки ее повисли, как веточки. (Эти болтающиеся тоненькие руки, когда-то ласкавшие дочь, с тех пор постоянно ей снятся.) Еще в расковырянную дырочку Ольга успела заметить одного из свидетелей: «Жданов! Вот кто донес! Ведь следователь намекнул, что доносчик на суде выступит»¹⁷⁶. Эта мысль обдала сердце жаром и болью. Но тут подскочил отец и зашептал: «Давай, уходи отсель, а то вскорости и тебя будут судить». Вердикт трибунала ей не пришлось услышать. Она направилась на трудовой фронт.

«Приговор

Именем Союза Советских Социалистических Республик
24 декабря 1941 г. Ногинский Военный Трибунал Московского Военного Округа

Под председательством Ипатова
С участием Кондратьевой и Миронова
Исследовав материалы дела, нашел, что... обвиняемая... будучи враждебно настроенной... к Советской власти... вела контрреволюционную агитацию среди населения, клеветала на советскую власть, хвалила фашистские порядки, говорила угрозы коммунистам. Вина обвиняемой подтверждается показаниями свидетелей... материалами дела...
Суд признал Кондратьеву М. И. ...виновной и, руководствуясь ст. 319 и 320 УК,
Приговорил:
Кондратьеву М. И. по ст. 58-10, ч. II УК... подвергнуть лишению свободы сроком на семь (7) лет с лишением прав на 5 лет и конфискацией лично принадлежащего ей имущества...
Приговор окончательный, обжалованию не подлежит, вступает в силу немедленно»¹⁷⁷.

В проеме двери в окружении охраны показались осужденные. Толпу оттеснили к стене, но десятилетний Сергей чудом проскользнул сквозь кольцо военных и очутился возле матери; его грубо оттолкнули, и он кубарем покатился по полу. «Берегите Сереньку!», – успела крикнуть Марфа. Эти слова да еще: «Дети! Я вас благословляю» – последнее, что услышали от нее домашние, перед тем как она навсегда исчезла во мраке тюремного коридора. За ней шел осужденный мужчина лет тридцати пяти, кто-то из стоявшего у стены народа сказал: «Этого под расстрел»¹⁷⁸.

38

В тот же день, 24 декабря, неведомый служащий НКВД приписал в конце судебного приговора: «Статистические карточки выписаны. Справка о судимости написана».

Дело сделано.

Начальник Ногинской тюрьмы в тот же день рапортовал в городской Военный трибунал о прибытии во вверенное ему учреждение осужденной Кондратьевой. А зэк Кондратьева в этот же день расписалась в получении копии приговора.

Машина вертелась.

Еще в одной точке великого государства был преподан урок клеветникам, пораженцам, чуждым элементам. Благодаря «органам», вырисовывалась стройная картина предотвращенного заговора.

...3 февраля 1942 года зэк Кондратьева из Ногинской тюрьмы выбыла¹⁷⁹.

Семь лет заключения и пять лет ссылки получила Марфа за то, что сказала слово правды. Не меньший срок она молча терпела притеснения от чиновников, издевавшихся над привычными для крестьянской Руси устоями жизни, над верой в Любящего и Страдающего Бога. Привычные нормы поведения и восприятия действительности перевернулись. Обитатели русской деревни всегда общались друг с другом в Церкви, которая, соединяя их в приход, одухотворяла социальные и родовые взаимоотношения. Теперь храм, благодаря агрессивной атеистической пропаганде и политике насилия, проводимой государством в отношении религии, превратился в зачумленное место на обочине мира. Духовенство и клирики стали «лишенцами», своего рода прокаженными, к которым опасно даже приближаться. В это время Марфа не только не отошла от веры, но принимала деятельное участие в

судьбах гонимых, поддерживая их (дружба с дьяконом М. И. Добровым ставилась ей в вину бдительным сельсоветом)¹⁸⁰, стараясь сберечь местные храмы и церковное имущество. Эту сторону ее служения неправильно воспринимать только как охранительную. Будучи многолетним членом церковного совета и, позже, церковным старостой, она помогала священнослужителям выживать материально, создавала условия для осуществления их миссии. Главное же состояло в том, что она принадлежала к тем верующим русским женщинам, которые не мыслят своей жизни вне евангельского русла. Повседневность в их восприятии выстраивается в порядок, освященный и наполненный изнутри молитвой и любовью. Вот она и организовывала молебны, когда приход остался без духовенства. Подобные ей люди (а в разных местностях обширной страны имелись свои такие же Марфы) и в годы гонений являлись для многих из окружающих признанным нравственным авторитетом. Цветочница Марфа никогда не чувствовала себя в изоляции и пользовалась широкой известностью в округе. До последнего десятилетия минувшего века помнили ее в родном крае.

«За церкву пошла. Вызывали ее много. А потом взяли – и все, пропала» (Серикова Тамара Владимировна, 1915 г. р.)¹⁸¹.

«У Марфы ключи от нашей церкви были. А потом ее забрали. Так где-то и сгинула» (Ластова Елизавета Алексеевна, 1914 г. р.)¹⁸².

«Она всем делала венки к Пасхе. Если кто маленько опоздает с заказом, придет в последние дни перед праздником, Марфа скажет: “Ну, ладно, уж я не послплю ночью, а тебе сделаю. Сделаю, сделаю, не волнуйся”. Хорошая была женщина. Трудлюбивая. А вот из-за чего человек погиб?!» (Бадова Агриппина Васильевна, 1913 г. р.)¹⁸³

19

Помнили Кондратьеву и в Стромыни.

«А как же! Марфа Гаранина отстаивала храм в Новосергиево» (Лисовая Ксения Александровна, 1909 г. р.)¹⁸⁴.

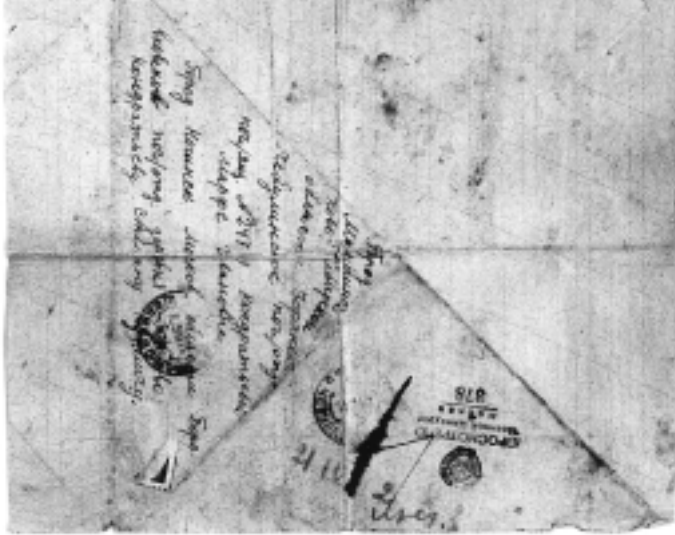
Частица ее усилий есть и в том, что стромынский храм не подвергся разграблению. Через четверть века после ареста и гибели Марфы этому явлению – сохраняемому народом храму – удивлялся известный советский писатель. «Посреди Стромыни, – писал он в конце шестидесятых годов, – стоит кирпичная церковь, обнесенная высокой глухой оградой. По виду я сразу определил, что церковь давно закрыта, но почему-то до сих пор не разорена».

Оказалось, что от сельских и районных начальников-разрушителей ее оберегают деревенские богомолки, а ключ от дверей прячет последняя церковная староста по имени Марья¹⁸⁵. Каким-то чудом, невзирая на непрекращавшиеся антирелигиозные гонения, у Марфы Кон-

дратьевой с ее подвижническим трудом оказались достойные преемницы.

Не выдержала Марфа издевательств чиновников, сорвалась тогда только, когда те стали терзать ее родных. Она терпела, когда унижали духовенство, оскорбляли веру, потому что можно было, смиряясь, помогать Церкви и жить по совести. Но семью, эту малую Церковь, но ребенка, но мужа¹⁸⁶ надо защищать, потому что охранить их больше некому и никто другой этого не сделает. Последний свой оплот, свой дом, без которого для женщины и матери теряется смысл земной жизни, Марфа оборонила, как могла.

На фотографии 1931 года Марфа Ивановна сидит в окружении пятерых ребятишек (четверо своих и племянник), на коленях держит младшенького, Сергея. На заднике городского фотоателье, в котором сделали снимок, изображен какой-то райский уголок: уютный двухэтажный особняк в цветущем саду. Этот южный пейзаж, очевидно позаимствованный из заморской, заграничной реальности, резко контрастирует с опрятной, но бедной крестьянской одеждой снимающихся, а еще более – с той тяжелой реальностью, которая простиралась за дверями фотомастерской. Впрочем, изможденное лицо Марфы, обрамленное черным платком, дышит любовью. Семья, дети были для нее настоящим раем на земле. Раем, который нельзя отнять и в котором она черпала силы. «Ведь вы у меня, – обращалась Марфа Ивановна к родным из-за колючей проволоки концлагеря, – вся моя жизнь, вся моя радость»¹⁸⁷. Этот семейный рай она сохранила в своем сердце. (Конечно, семья для крестьян не исчерпывалась социально-биологическими границами; она основывалась на христианских заповедях любви к ближнему, на литургическом восприятии «другого», в служении которому состоит смысл индивидуальной жизни.)

20

39

Лишь в мае 1942 года, после трехмесячного этапа, Кондратьева прибывает в Мариинские концлагеря. Отныне адрес ее «почтового ящика» таков: «Город Мариинск, Новосибирской области, Верхне-Чебулинский район. Верхне-Чебулинское п/о, п/я 247/3».

«Услали маму, – вспоминает Ольга Степановна, – и нет, нет от нее ничего. Потом пишет письмо: “Я возле города Мариинска. Наш политический лагерь за 60 километров от города”. Писала, что очень голодует. Просит: “Девчонки, хлопочите, хлопочите”. А куда хлопотать?»

Сохранилось десять писем Марфы. За полтора года пребывания в сибирском заточении она отправила их гораздо больше, но одни остались в лабиринте цензурных ведомств, а другие со временем затерялись у родственников, погруженных в непростые житейские обстоятельства.

Кроме лагерной администрации, всю корреспонденцию просматривали и военные власти. Треугольники, в которые складывались письма, – наподобие тех, что приходили из действующей армии, – проштампованы: «Просмотрено военной цензурой. Москва. 378».

Рядом с каждым посланием положим по краюхе хлеба. Писчая бумага в концлагере шла на вес золота, достать чистый лист значило отдать какую-то толику из оставшейся тебе жизни. «Высылайте больше бумаги, – постоянная мольба Марфы, – не на чем писать, каждый кусочек покупаю за хлеб»¹⁸⁸. Как политической заключенной, ей разрешалось отправить только три письма в месяц (получать же могла неограниченно). Для переписки она использовала листки из школьных тетрадей (на одной из дошедших весточек ее каракули нанесены поверх дрожащих чернильных прописей какого-то перwokлашки) и обычный карандаш. Первое по времени из сохранившихся ее посланий написано на обороте «фуражных ведомостей», коричневом бланке, предназначенном для учета «кормоединиц», ежедневно выдаваемых скоту. (Каким образом этот лист попал в руки ээка Кондратьевой, вынесен ли он тайно из хозчасти концлагеря или приобретен за кусок пайки, – об этом сейчас можно лишь догадываться.) Иногда кто-нибудь из образованных союзниц под диктовку Марфы вполне литературно излагал на бумаге ее переживания.

Переписка для Марфы оказалась (конечно, помимо молитв) единственной связью со всем, что в этом мире составляло для нее ценность и емко обозначалось словом «родные». Возможность написать домой была единственным способом выражения любви и верности. Получение очередного конверта или посылки – драгоценный знак памяти о твоих страданиях и соучастия в них. «Ваши письма для меня праздник». Отсутствие вестей –

грозное свидетельство равнодушия и вселенского холода. «Знать, ты неграмотный, – обращалась она к «книжному» мужу, – и писать не можешь». Когда казалось, что близкие ее не помнят (иссякал ручеек писем), у Марфы возникали видения. «Папинька и Маня и Сережа, знать, забыли про меня. А я так думаю потому, что не вижу во сне их. Один раз увидела Маню, но лица ее не увидела – воротником загородилась от меня».

Краткие ее послания выразительны, преисполнены заботой о близких. «Напишите, – просит она, – что получили в колхозе? Сколько заработали трудодней? Как у вас с питанием? Как работа у вас идет и где, на что меняли хлеб?»¹⁸⁹ Весной 1943 года она тревожится: «Есть ли у вас запас хлеба?»

Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ» отмечает, что крестьянство, будучи бесписьменным, не оставило свидетельств о своем страдальческом опыте во время «Большого перелома». Российским историкам еще предстоит по крупицам воссоздавать жизнь русского народа в эпоху устроенного коммунистами геноцида, подобно тому как современные ученые извлекают правду о нашем древнем прошлом из скудных летописных источников времен татаро-монгольского ига.

Письма Марфы Кондратьевой драгоценны трезвостью восприятия, большой сердечной болью, спустя полвека отчетливо проступающей сквозь скупые строчки. В них также прослеживается связь внутреннего мира автора с церковно-народным мировоззрением.

Марфа Ивановна ясно и смиренно осознает трагизм своего положения и точно его описывает. В июне 1942 года работает дневальной: «Мою пол в своем бараке»¹⁹⁰. Хлеба получает 500 граммов в день, утром дают суп, в обед – суп и кашу (иногда картошку или горох), на ужин – опять суп («а когда и кисель овсяный»).

21

Она сознает себя исповедником, страдающим за православную веру и за свою любовь к ближним. Обозначая свое местопребывание (пунктиром проведем кривую ее передвижений по родной земле: Богородский уезд Московской губернии – Сибирь, безымянный почтовый ящик 247/3), Марфа прибегает к эпическим оборотам, отсылающим к пространству Четьих-Миней и подвигу мучеников: «Милые детушки... меня не забудьте на чужой стороне, в глухой Сибири, в крутых горах»¹⁹¹. Непомерную тяжесть креста, выпавшего этой изработавшейся, физически надломленной женщине можно понять по тому, что она ожидает кары Божией над деревенскими опричниками, оклеветавшими ее. Она не может их простить. Летом 1942 года, сообщив домаш-

22

лось никого, кто мог бы оказать поддержку гонимому обитателю деревни. Некому было вникать в действительные проблемы крестьян, переводя их суть на официальный язык жалоб, ходатайств и прошений, не находилось сведущих и сочувствующих проводников по инстанциям, каковыми когда-то, в царское время, служили народники, имевшие смелость хлопотать об обездоленных соотечественниках¹⁹².

ним о том, что «на меня много Груша с Катькой Наташиной говорили Серову», она многозначительно замечает: «Напишите, как живут Архиреев, Жданов и Серов, и пропишите, кто помер в деревне».

«Не забудьте меня» – рефрен ее писем к близким. Раз помнят – значит, беспокоятся и пытаются тебя вызвать. Она просит о помощи, потому что только помощью сострадающих можно выжить. Сострадание способно преобразить даже богооставленный ад концлагеря. Марфа ценит внимание как силу, способную оживить мертвящий холод бытия.

Тяжесть положения русского крестьянства усугублялась не только его «бесписьменностью», но и отсутствием своего представительства в структурах власти. Церковь была разрушена и пленена, а больше в русском обществе (что уж говорить о прочем, внешнем, мире) не име-

«за счастье народное»

40

Все «освободительное столетие» (1824–1917) прошло под знаком повышенного интереса со стороны русского образованного общества к миру и проблемам крестьян. И государственные мужи, и общественность считали своим первейшим долгом заботиться о крестьянстве, сделав его будущее постоянным предметом интеллектуальных спекуляций и разнообразных проектов.

Высшие чиновники, снисходительно смотревшие на главное податное сословие страны, неустанно изыскивали наилучший для государства способ обустройства сельской общины. В целях, конечно, обретения вящего для Империи могущества и благоденствия. Кающиеся дворяне скорбели о меньших братьях. Разночинцы-интеллигенты благоговейно преклонялись перед сельским тружеником, придумывая для него будущую республику всеобщего счастья. Славянофилы видели в крестьянине богоносца, нерушимо хранившего в себе высшие христианские ценности. Социалисты (в частности, эсеры, считавшиеся «крестьянской» партией) обнаружили в русской деревне стихийных носителей трудового, общинно-кооперативного сознания.

Эти надуманные построения в одночасье рухнули при первых порывах революции. Образованное общество с ужасом обнаружило, что мужик в своей ярости

подобен зверю (впрочем, как и культурные сословия, соблазненные идеологией насилия).

В 1918 году религиозный писатель, член Всероссийского Поместного собора священник Константин Аггеев констатировал: «Ныне многие народолюбцы бросились в противоположную крайность: готовы считать русский народ каким-то по самой своей природе исчадием ада, садистом по призванию, хамом в самом корне своего существования»¹⁹³.

Сокровенные настроения большей части русского крестьянства остались неведомы «мудрецам» нашего общества. Крестьяне в напряжении всех своих сил, будучи самыми бесправными из граждан России, пробивались к нормальной жизни, в которую стремились ввести, как в землю обетованную, своих близких. «Нормальная жизнь» – это та, где есть материальный достаток и воля, подчиненные законам совести.

Крестьяне не оставались в стороне от веяний времени. Они желали пользоваться дарами цивилизации (и обучить ее премудростям своих детей), но так, чтобы взять лишь то, что помогает в труде и не идет вразрез с верой.

В эпоху индустриализации, с опозданием пришедшей в Россию, проблема самопознания, поиска собственной идентичности, особенно остро встала перед молодыми крестьянскими поколениями.

Современность с ее усложненной проблематикой рассыпала перед молодыми сельчанами множество каверзных вопросов, для ответа на которые требовалось осмысление опыта предков, традиций и одновременно умение нащупать собственный, твердый путь среди хлябей туманной действительности. Российские крестьяне – это дети, одаренные, с живой душой, но еще незрелым характером; часто при утере жизненных ориентиров, даже при минутном разочаровании, они с легкостью скаты-

ваются в болото пьянства и разгула. Подобный образ часто возникал на страницах пореформенной печати. Практические деятели, пусть и немногие, понимали важность правильного, на широкую ногу поставленного дела сельского образования, которое может помочь крестьянам формулировать собственный опыт.

Все, что требовалось от доброхотов-народолюбцев, – это оказать деревне помощь в решении насущных для нее проблем. В органичном усвоении языка цивилизации и в постижении горизонтов современной культуры, начатков права. В создании самоуправления и налаживании условий для его эффективной работы. Именно такой подход к просветительской деятельности среди отстающих в цивилизационном отношении стран третьего мира, подход, учитывающий внутренний мир просвещаемых, осуществлял в XX веке в своей миссионерской деятельности на африканском континенте Альберт Швейцер, а у нас в XIX (по отношению к своим обездоленным соплеменникам) – педагог Сергей Рачинский.

Но Октябрьский переворот в каком-то смысле поставил логическую точку в решении крестьянского вопроса, столь долго муссировавшегося в русском обществе: селянам долго пели дифирамбы и приготовили новое ярмо.

41

Через квартал от бывших Присутственных мест в Ногинске (если направляться в сторону Истомкино) в улицу III Интернационала вливается улица Татьяны Лебедевой, названная так в честь известной народволки, принимавшей активное участие в «охоте» на царя-освободителя Александра II¹⁹⁴.

23

Татьяна Ивановна Лебедева (1853–1887) была дочерью богородского судьи, коллежского советника, владевшего в уезде деревней Богослово. Рано осиротев, она в первопрестольной окончила Николаевский сиротский институт благородных девиц. По завершении учебы знакомится с представителями радикальных молодежных кружков, мечтающих улучшить положение крестьян. В 1874 году, находясь под влиянием будущего террориста и писателя Сергея Кравчинского*, порывает со своей средой, с семьей старшего брата и принимает участие в так называемом «хождении в народ». Интересно,

* псевдоним С. Степняк.

что коренная перемена, происшедшая с ней, внешним образом выразилось в переезде на Моховую улицу, в меблированные комнаты. В ту эпоху для интеллигентной молодежи из привилегированных сословий подобное перемещение (из родного гнезда – в наемную квартиру) символизировало приобщение к эмансипации и свободы мысли. В своих апартаментах она заводит студенческую библиотеку и открывает что-то вроде салона для прогрессивной молодежи.

Идеологи «хождения в народ» подчеркивали, что смысл их предприятия состоит в мирной пропаганде среди сельского населения идей социализма. Но это была поверхностная сторона дела. Суть же его заключалась в рождении новой религии, в которой место Бога занял гордый человек, строящий свое земное счастье. Начиналось все с «народолюбия», с обожествления народа, а закончилось появлением на арене истории сумрачной фигуры террориста, озаренной точно адским пламенем¹⁹⁵. Революционер, со знанием дела писал друг Лебедевой, пришел на смену «ветхой» религии и древним христианским мученикам. Он, «гордый, как сатана, возмущившийся против своего Бога», явил в себе «нового человека» «с сильной, полной индивидуальностью», «гордой и непреклонной личной волей»¹⁹⁶.

Одни из участников движения переодевались в простолудинов и, странствуя по деревням, пытались проповедовать свои взгляды. Другие, напротив, намеревались жить среди народа, устраиваясь на работу в волостные учреждения, своей деятельностью стремясь облегчить участь крестьян и одновременно возбудить в них недовольство собственным положением. Вскоре молодые пропагандисты столкнулись с серьезными трудностями: недоверием со стороны народа и подозрительностью (нельзя сказать, чтобы беспочвенной) местных властей.

Среди «ходоков» начались повательные аресты. Восемь месяцев отсидела в тюрьме и Лебедева¹⁹⁷.

Отпущенная на поруки, Татьяна порывает с запрещенной деятельностью. Восстание на Балканах против Османской империи (1877–1878) побудило ее окончить курсы сестер милосердия. Она добивается назначения в санитарный отряд и готовится отбыть на театр военных действий. В это время ее настигает новый арест – начался суд над «ходоками в народ» (так называемый «процесс 193-х»). Татьяну признали виновной и приговорили к высылке, но тут же отпустили на свободу, зачтя восьмимесячное предварительное заключение.

В дальнейшем Лебедева, как и большая часть ее друзей, действует как бы под влиянием синдрома обиды. «Я желала помочь братьям-славянам в их сражении с поработителями, – объясняла она в зале суда, – и оказалась от политической деятельности, но правительство своей глупостью и жестокостью подтолкнуло меня вернуться на стезю сопротивления».

Схожие мотивы звучали и в речах многих ее товарищей по партии. Мы шли навстречу любимому народу, неоднократно заявляли они в программных речах и листовках, но власть силой мешала осуществлению наших лучших намерений. Поэтому партия решила «дезорганизовать» косную государственную систему всеми доступными ей средствами.

Любовь к народу – особый вид страсти, снедавший русских идеалистов-революционеров. Это чувство буквально пьянило умы молодых бунтарей, давая импульс к жестоким и безрассудным поступкам. «Отчего любимый мною простой народ русский, которым держится вся Россия, так бедствует!» – восклицал в экстазе юный Дмитрий Каракозов в листовке, изъятой у него полицией после неудавшегося покушения на царя (4 апреля 1866 года)¹⁹⁸.

Несостоявшийся цареубийца мечтал о будущем преобразовании страны в союз рабоче-крестьянских трудовых артелей, считая возможным достичь этого мирными средствами. Однако очень скоро он стал сомневаться (по выражению своих друзей) в возможности добиться желанной цели эволюционным путем. Народ, ради его же блага, необходимо возбудить убийством царя – так разрешил свои недоумения Каракозов.

Русское общество рукоплескало великим чувствам, которые овладели передовой молодежью. Министр юстиции граф Пален ужасался тому, что отцы и матери солидных семейств оказывали революционерам гостеприимство и материальную помощь¹⁹⁹. (Негодование могущественного чиновника говорит об ослеплении власть имущих, которые не могли понять настроений культурной среды. Как не сочувствовать «детям» в их хотя и радикальных, но зато таких «высоких» побуждениях?)

Для бывшей институтки Лебедевой не могло быть другой судьбы, помимо служения родному народу. Она горела желанием улучшить его долю, пусть и посредством «возбуждения» крестьян примерами кровавых террористических актов и подстрекательством к бунту. (О воздействии на сознание многомиллионной деревенской массы с помощью револьвера и динамита мечтали все вожди российского социалистического подполья.)²⁰⁰

В 1879 году Лебедева становится членом Исполнительного комитета «Народной воли», агентом третьей, высшей, степени²⁰¹ посвящения.

В ноябре того же года Татьяна участвует в подкопе под железнодорожным полотном недалеко от Одессы. Она должна была соединить провода взрывного устройства в ту минуту, когда мимо проедет императорский поезд. (Состав проследовал обходным путем, и операция сорвалась.)

Истоки народовольческого «великого» чувства к народу стоит поискать и в особой, насыщенной морализаторским пафосом атмосфере их кружкового общения, в которой принимались «судьбоносные» решения. За чашкой крепкого чая, в клубах сизого папиросного дыма, в громкой дружеской беседе (в которую жар непримиримости особенно умели вносить горячие южане) рождались решительные заявления. Особенность этого немногочисленного кружка молодежи и состояла в умении «доводить принцип до конца»²⁰². Постановления, принятые в узком кругу, превращались в роковые для общества поступки.

Народовольцы охотно сравнивали себя с апостолами первого века христианства. (Евангельские и библейские образы часто встречаются в рассуждениях отечественных террористов.) Так же, как и ученики Христа, они чувствовали за собой право «вязать» и «творить» историю. Только в основание своего дела революционеры положили, помимо собственной, и чужую кровь, пролитую ими в немалом количестве.

Участвуя в подкопе по заданию партии, Лебедева выдавала себя за жену железнодорожного смотрителя, которым для устройства взрыва нанялся Михаил Фроленко, принципиальный сторонник насильственных действий в отношении государства. На одиннадцатой версте от Одессы, близ деревушки Гниляково, где молодая парочка поселилась в отведенной им, как семейным людям, казенной будке, фиктивный брак превратился в нечто большее. Идеейные единомышленники во время дружной и опасной работы превращаются в счастливых любовников. Обручая Россию революции, они «свободно», игнорируя «мещанскую» мораль, соединяются друг с другом и телесно.

Идейная эволюция Татьяны Лебедевой схожа с мировоззренческими исканиями ее подруги, аристократки по

24

происхождению, Софьи Перовской. Последняя вначале была активной сторонницей «деревенского», сравнительно мирного направления в землевольческом движении, но очень скоро перешла на крайние радикальные позиции. Немаловажную роль в духовной эволюции молодой женщины сыграло ее глубокое, страстное чувство к «крестьянскому сыну» Андрею Желябову. А вот Татьяне Лебедевой помог сосредоточиться на неистовом служении партии красавец Фроленко. Так мистически (в канун Семнадцатого года этим модным словечком щеголяли иные материалисты, объясняя сокровенные движения индивидуальности или грозные повороты в настроениях масс), в двуедином порыве к социальному и сексуальному освобождению, рождались новые люди грядущей эпохи революционных войн и катастроф²⁰³.

Современники отмечали «неопределенность», затрапезность внешнего вида Лебедевой. Восковая нездоровая кожа, болезненный вид, маленький рост, институтская сдержанность в поведении, скованность при незнакомых людях. Ее характер затруднялись очертить. Но при этой безликости поражались в ней несколькими особенностями. Черные волнистые густые волосы и черные же небольшие, источающие энергию, глаза придавали хрупкой фигурке какой-то демонический вид²⁰⁴. Ближайшие подруги ее серьезно побаивались, чувствуя за слабой телесной оболочкой нечеловеческую силу воли, твердую решимость следовать однажды принятому выбору.

Любовь к народу, к его будущему социалистическому счастью заставила ее до конца проделать кровавый путь (для женщины вдвойне неестественный). Самоотверженная любовь к товарищу по борьбе привела ее к быстрой гибели. Арест Фроленко вскоре после первоапрельского убийства царя причинил его подруге страшную боль, притупив чувство осторожности. Она вполне могла попытаться скрыться за границу, для чего соратники передали ей необходимые денежные средства. Но Татьяна предпочла отдать их матери своего любовника, приехавшей из провинции в Петербург. Пренебрегая риском быть выслеженной полицией, Лебедева постоянно виделась со старой женщиной, помогала той в хлопотах о свидании с сыном. Вскоре народоволку арестовали, приговорив к смертной казни²⁰⁵, замененной в результате протестов на Западе пожизненной каторгой²⁰⁶. За пять лет, проведенных в тюрьме, а затем на страшных Карийских рудниках, Лебедева сгорела от туберкулеза. На алтарь великих чувств к народу (и к близкому другу) она принесла свою жизнь²⁰⁷.

Михаил Федорович Фроленко, отважный борец с «проклятым» самодержавием, вышел на свободу через

двадцать два года, в дни первой русской революции. В разгар Большого террора, уже в престарелом возрасте, на краю могилы, он вступает в ряды ВКП(б). И это в те страшные годы, когда множество крестьянских семей, подобно Кондратьевым, находились на грани нищеты и окончательного разорения.

Не забудьте меня

№ 5017

42

Для Марфы череда радетелей о народном счастье закончилась на прокуроре Голубниченко с его твердокаменной убежденностью в ее преступном умысле. «Винновность Кондратьевой вполне доказана»²⁰⁸.

Эта «преступница» относилась как раз к тому человеческому материалу, который сообщал устойчивость и цельность крестьянскому миру.

Не просто и не легко далось Марфе устройство своего семейного счастья. Для нее важным было не только материально поставить детей на ноги (не надо забывать, что с 1929 года речь шла, прежде всего, о физическом сбережении семьи), но и передать им свой христианский опыт. Далеко не все из окружающих реалий она могла им растолковать с точки зрения православия. Порой она не умела вникнуть в их проблемы (как в случае с женьбой старшего сына Ивана). Конечно, когда она запрещала дочери «обтягиваться» в модное платье, для той слова матери не казались особенно убедительными. Впрочем, всегда, при любых взаимных недоразумениях, тепло ее сердца говорило детям больше, чем противоречия собственных ума и чувств. Но еще больше на них воздействовало ее искусство доброделания. Перед глазами всегда находился пример матери, умеющей разрешать житейские конфликты посредством деликатной уступчивости, готовности в первую очередь откликнуться на нужду другого.

25

Сто двадцать лет назад писатель Глеб Успенский высказал мысль, что русская деревня держится только духом народной интеллигенции. Что такое эта «народная интеллигенция», он толком не сформулировал. Из его одноименного рассказа²⁰⁹ следует, что это не тонкий слой образованных людей, живших в деревне и связанных с ней профессиональной деятельностью (духовное сословие, народные учителя, волостные служащие и земские специалисты). По его слову, таковыми надобно считать Божиих угодников. «Но это не тот угодник, который, угождая Богу, заберется в дебрь или влезет на столб и стоит на нем тридцать лет. Нет, наш народный угодник... живет для мира»²¹⁰. Тот, кто встречал на своем

жизненном пути крестьян старой дореволюционной за-
калки, умевших согреть пасхальной радостью и доб-
ротой холод жестокой реальности, на деле жалевших
слабых и беспомощных, знает, что подобные качества
души есть признак подлинной духовной культуры.

Марфа Кондратьева, несомненно, была носителем
этой культуры в деревне. Поэтому удар насильников и
пришелся по ней и по ее семье.

43

В августе 1942 года Марфу актируют по состоянию
здоровья. «У нас говорят, – пишет она домой, – что ак-
тированных будут скоро отпускать, но не знаю, [правда
ли это]»²¹¹. Вместо освобождения ее переводят в барак
с пониженными нормами питания. Для слабосильных.
От болезней и голода она неуклонно слабеет физичес-
ки. «Если бы я работала, – замечает Марфа, – а то по-
лучаю инвалидный паек...»²¹² В январе 1943 года она
еще надеется с помощью близких вырваться на свобо-
ду. «Олю просите, чтобы хлопотала обо мне», «Оля
пусть хлопочет»²¹³. Положение осложнялось и отсутст-
вием теплой одежды; обувь вся изнасилась – «и вален-
ки и кошанки». «Здесь у нас начинаются холода, а я все
подносила, сапоги кожаные все развалились, хожу все
время в валенках». Она просит не присылать денег, ко-
торые в лагере нельзя использовать: «Нуждаюсь в
одежде и белье»²¹⁴. И там же: «Постарайтесь мне при-
слать варежки и штаны, у нас сильные ветры, холодно».
С посылками вышла заминка, и не по вине домашних: в
Московской области не принимали вещей почтовых
отправлений на «архипелаг ГУЛАГ»²¹⁵. Что ж, и нарко-
мат связи считал необходимым приложить свою руку к

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

Кондратьева Марфа Николаевна, 1921 года рождения, уроженка г. Красново Пятигорского района Московской области, по ареста - участница религиозного культа, проживала в г. Зубцово Зубцовского района Московской области.

Известна с декабря 1941 года. Циклограмма Пятигорского военного трибунала Московской области от 24 декабря 1941 года по от. 30-19 т. 3 УЛ РОСОР /хитросоставлена по докум./ содержит следующие сведения:

На основании от. 3 УЛ УЛ РОСОР /хитросоставлена по докум./ от 18 октября 1941 года Кондратьева Марфа Николаевна реабилитирована.

Зам. прокурора Московской области
государственный советник юстиции
3 класса

26

пыткам эзков. «Если от вас нельзя переслать, – советовала мать, – то... из Рязани посылки идут». (В Рязани стояла воинская часть сына Николая.) Система методично добивала «государственную преступницу». Но незнательная Марфа хотела выжить. «Я все надеюсь получить от вас посылочку, – обращалась она к своим, – может быть, для меня бы была поддержка»²¹⁶. «Если можно, – просила, – то [пришлите] сухариков и немножко сальца»²¹⁷.

Пятидесятидвухлетняя лагерница чувствует себя «старушкой». С конца 1942 года она болеет «желудком и малярией»²¹⁸ и в последнем из сохранившихся писем грустно констатирует: «Я уже – конечно, благодаря преклонным годам – стала прихварывать и дряхнуть...»²¹⁹

Ее мечта: «Уж лучше умереть дома, в родной семье, чем здесь»²²⁰.

Если бы односельчане смогли посетить Марфу в концлагере, они вряд ли узнали бы деревенскую цветочницу, превратившуюся в доходягу. Однако, несмотря на свое бесправие и физическое бессилие, она по-прежнему беспокоилась о вверенном ей храме. «Напишите, – обращалась к домашним, – у вас ли ключи от церкви. Если у вас, то сходите, поглядите, все ли там в порядке»²²¹.

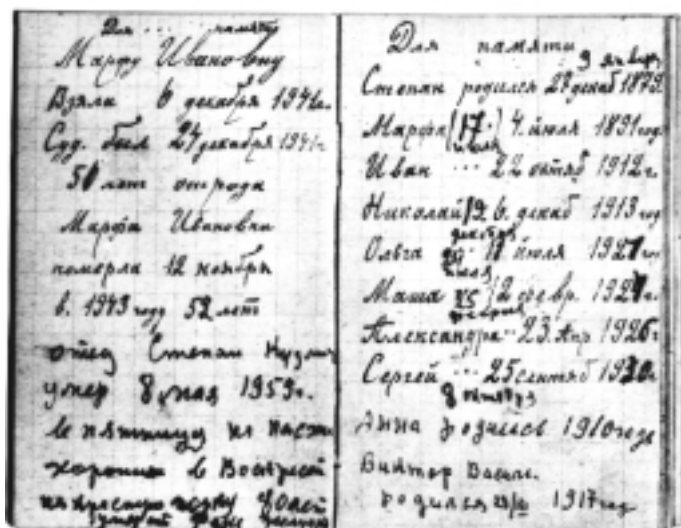
В апреле 1943 года письма из лагеря перестали приходить.

«Как написала мама, что ее по здоровью сактировали и должны отпустить, так и все. Никаких известий мы больше не имели. Еще в августе²²² она написала: “Девчонки, я еду домой”. Ждем – а ее нет. Нет и нет».

44

Красноармейцы Кондратьевы – рядовой Николай и старшина Мария – постоянно писали из действующей армии в Кремль, на имя Михаила Калинина, ходатайства об освобождении матери²²³. Аналогичное прошение успел послать и Иван. (Уже в феврале 1942 года он погиб в боях под Старой Руссой²²⁴. Его имя и фамилия выбиты среди ста пяти других имен павших на фронте воинов, жителей деревень Новая и Зубцово, на покосившемся – в овраге, заросшем бурьяном, – сельском обелиске.)²²⁵

Мария Степановна: «Последнее письмо от мамы мне пришло с сообщением, что там ей очень плохо. И все. Больше оттуда мы ничего не получали. Писали мы с Николаем лагерному начальству запросы, а в ответ нам только сообщали: “Выбыла”. И точка».

27

Рассказ Сергея Кондратьева проясняет дело: «Пришло нам в деревню письмо от Михаила Ивановича, в котором не он сам, а его секретарь сообщал: дескать, по такой-то и такой-то статье, то есть по болезни, мы вашу мать освобождаем. Но на самом деле она так в лагере и умерла, не выйдя даже за его ворота. Об этом потом кто-то нам сообщил (кажется, ее лагерная знакомая). Она умерла в лагере, а только потом нам бумагу от Калининна прислали, что ее освобождают. Еще позже мы узнали, что у мамы было сильное истощение, нервное расстройство и пневмония»²²⁶.

45

Больше года родственники не имели известий о судьбе Марфы Ивановны.

Старшая дочь Ольга, имевшая за плечами пять классов начальной школы, пыталась хлопотать о матери. Для этого она отправилась в Москву к двоюродной тетке Антонине, первым браком бывшей замужем за знаменитым «сталинским соколом», Героем Советского Союза, летчиком Александром Беляковым²²⁷. Земляк, родом из Богородского уезда, в своей профессии он проявлял и мастерство, и смелость, к тому же был депутатом Верховного Совета, но взяться помочь заключенной родственнице, «политической», не решился. Только намекнул, что ее, по видимому, уже нет в живых. Однако что-то он все-таки сделал, так как в конце 1944 года Степана Кузьмича вызвали в Ногинский ЗАГС и вручили следующую бумагу:

«Свидетельство о смерти № 1923

Кондратьева Марфа Ивановна умерла 12 числа ноября месяца 1943 года, о чем в книге записей актов гражданского состояния за 1944 год произведена соответствующая запись. Причина смерти инфаркт. Возраст 53 года»²²⁸.

В графе «место смерти» стоит прочерк²²⁹.

Ольгу мучило острое чувство собственного бессилия. И она сама, и все взрослые члены семьи Кондратьевых надрывались на тяжких работах, но помочь матери не могли. «Деньги маме мы посылали. Она писала: не шлите. А посылку не из чего было собрать: настолько дома жили голодно».

В довершение всех бед в 1942 году по приговору Военного трибунала пришли описывать «личное имущество»

541
Для представления в странкосу,
в крематорий или на кладбище.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ № 1933

Кондратьева Марфа
Ивановна, имя, отчество)

Ивановна у.д.р. *12* числа
Марты месяца 1943 года, о чем в книге записей
актов гражданского состояния за 1943 год произведена соот-
ветствующая запись.

Причина смерти: *Шок от удара*

Место смерти: _____ (город) _____
возраст *53 года*

М. П. *Кузьмин*
Зав. Бюро ЗАГС *Визин*
Делопроизводитель

28

Марфы Ивановны. Под этим предлогом судебный исполнитель хотел выселить ее семью из дома. Это требование так поразило Степана Кузьмича, что он («ради детей», конечно!) бросил камень в адрес угнанной в Сибирь супруги. «Это же я здесь все построил. А жена пришла уже на готовое. Все имущество нажито мной в первом браке!»

Хорошо, что Ольга сообразила, упросив чиновника подождать некоторое время, и вовремя успела продать единственного барана. С вырученными деньгами отправилась в Рязанскую область и привезла оттуда топленого масла, которое отец преподнес представителю влас-

ти. А тот «присудил» не выгонять Кондратьевых из собственной избы.

Уже эта поездка, продиктованная стремлением выкарабкаться из безнадежных обстоятельств, в которые семья была поставлена по милости государства, с точки зрения последнего, являлась преступлением. Значительная часть населения страны вынуждена была двигаться по дорогам страны в поисках взаимовыгодного товарообмена. Прокуратура периодически, соответственно разнарядке, загребала в свои сети так называемых мешочников и спекулянтов, устраивая судебные процессы для назидания строптивцев, уж очень сильно стремившихся выжить. Хватайся за соломинку, но трепещи! В ногинской газетке появлялись статьи с грозными заголовками: «Сурово карать спекулянтов!» В одной из них описывалось преступление некоей гражданки, также побывавшей в Рязанской области и приобретшей там для последующей продажи на городском рынке девять килограммов самосада²³⁰. Вкатали ей в том же трибунале, что судил и Марфу, пять лет лишения свободы. Так что Степану Кузьмичу и Ольге еще повезло, тихо откупилась от власти...

46

Что могли сделать для освобождения Марфы ее дети, муж, находясь в самом низу социальной лестницы? Все годы войны ее светлый, теплый облик стоял перед внутренним взором близких, вызывая острую боль и страдание. В письмах матери Ольга слышала скрытый между строк плач души.

«Они мне раздирали сердце. Ну, как же так, мать такие письма пишет, а я ничего не могу сделать! Когда

29

письма перестали приходить, я не могла вынести ожидания. Как же так, думаю, неужели матери нет и больше не будет? Как так?! Не хотелось жить – такое было настроение. Однажды я лежала на печке, и вот стукнула мысль: “Не хочу жить!” Стала вставать. Между печкой и стеной избы была у нас лежанка. Смотрю, над лежанкой веревка висит. Я взяла эту веревку и пошла на двор. Отец: “Ты куда?” Он зажег лампадку и начал молиться Богу. Он часто читал: “Огради мя силою честнаго и животворящаго креста Твоего и спаси меня от всякого зла”. И с меня спало это состояние».

Арест жены потряс Степана Кузьмича, и он, будучи всегда человеком рассудительным и спокойным, временами делался как бы не в себе. «Как-то он заходит в

избу, – вспоминает Ольга, – и весь трясется. Я спрашиваю: “Папаны, ты что? Что случилось?” А он: “Я хотел сейчас Архиреева убить”. Оказывается, отец шел по дороге и наткнулся на валявшегося в пыли пьяного Огурца (прозвище председателя колхоза Архиреева. – *Прим. автора*). “Я, – говорит отец, – взял палку, думаю: сейчас ему всыплю... А тут как гармошка заиграет – значит, Бог меня отвел”»²³¹.

После смерти Марфа продолжала незримо оказывать помощь близким.

24 декабря 1941 года прямо из здания Ногинского суда Ольга отправилась на трудовой фронт, за Серпухов²³². Там, в десяти километрах от фронта, ей предстояло прокладывать дорогу. Работа грязная, для девушки непосильная. Когда она пришла в распоряжение части, то начальник, записывавший анкетные данные новобранцев-трудоармейцев, посмотрел в ее документы и спросил: «Ты из Боровково?» – «Я из Зубцово». – «А кто твои родители?» – «Мама у меня боровковская». – «А кто твоя мама?» – «Гаранина». – «Подожди, подожди! Я же Шелков, и наш дом напротив ее избы стоял. А как мать сейчас?» – «Маму посадили». Начальник направил землячку, с матерью которой дружил в детстве, к врачам, а через несколько месяцев, оформив необходимые справки, отпустил Ольгу домой.

Осенью 1942 года Ольга упала без сознания на дороге. Ее подобрали и беспамятную отвезли в больницу села Мележи. Это был сыпной тиф, от которого она едва не умерла. Выписали ее лишь весной. За это время в забытии ей представлялись различные видения. Однажды явилась «Страждущая» Божия Матерь, с Младенцем на руках. Ольга спросила: «Божия Матерь! А как моя мать? Что с ней?» Та ответила: «О матери твоей мы побеспокоимся, а ты думай о себе». Ольга едва успела

30

повторить: «Божья Матерь! А мама моя вернется домой?», как в воздухе появилось как бы облако и Богородица растворилась в нем.

Во время болезни Ольга ощущала на себе внимание и заботу посторонних людей, желавших помочь ей в память о Марфе.

«Тяжело было в больнице, – вспоминает она. – И вот ко мне постоянно ходила какая-то женщина: приносила то молоко, то хлеб, то пирог испечет. Однажды благодетельница объяснила: “Это я тебе вместо матери приношу”».

Многие из простого народа помнили Марфу и оказывали знаки внимания, уважения ее детям.

«Маму все очень жалели, – говорит Ольга Степановна. – В какую деревню ни придешь, все о ней знали и всегда говорили о ней одно хорошее».

Воспоминания о человеческом сострадании, проявленном в память матери, есть и у Сергея Кондратьева:

«Был в деревне дядя Ваня Ходателев. Он держал пчел, когда-то был ткач, потом занимался торговлей, в магазине работал. Сестра его замуж вышла за Жданова. И вот, когда маму посадили, едем, к примеру, на луг, сено убирать, дядя Ваня все время садится со мной. “Серенька, я с тобой”. Подъезжаем к реке, он подает телегу, я укладываю сено. Он всегда рядом. Разные сказки мне расскажет, занимательные истории из жизни. Я в то время на это не обращал внимания, а уже взрослым осознал. Думаю: наверное, он хотел сгладить арест мамы и мое сиротство. Хотя он прямо эту тему никогда не затрагивал. Однажды я помог ему дров из леса завезти, так он меня накормил до отвала, картошкой тушеной со свиной, я такого никогда дотоле не ел. Впервые за годы войны наелся».

47

В округе действующей оставалась после войны только церковь в Заозерье (рядом с деревней Песьяны), в которой находилась икона Страждущей Богородицы. Узнав об этом, Ольга сходила туда, по обету отнеся веночек из цветов собственного изготовления. Прозорливая монахиня Ефросиния, утешительница крестьян, узнала дочь Марфы. «Знаешь, – сказала она, – мать на себя все ваши грехи приняла. Молитесь только за нее больше».

Детям Марфы Ивановны выпала нелегкая жизненная дорога. Как члены семьи государственного преступника, они при поисках работы сталкивались с запретом на профессии, с унижениями и прямыми оскорблениями со стороны чиновников²³³.

31

Марию Кондратьеву призвали в армию в январе 1942 года, когда ей еще не исполнилось восемнадцати лет. Вдруг принесли повестку из сельсовета: необходимо явиться в городской военкомат.

«Тогда из деревни забирали троих парней двадцать четвертого года рождения и меня с ними. Из девчонок меня одну забрали на всю округу. Должны были взять Зойку Александрову из Боровково. Но она комсомолка, а мы из детей “врагов народа”. Вот мне и пришла повесточка. Уже после войны мы с Зойкой общались, и она призналась, что повестку на нее первоначально выписали, да потом в сельсовете все перевернули, как хотели.

В лесу под Звенигородом нас три месяца проучили на поваров. Потом приехали из армии “покупатели”, и меня “купили” под Великие Луки. Здесь я сразу попала в окружение, шесть месяцев мы бродили с боями по лесам».

Несколько тяжелых контузий, шок от множества смертей и человеческих трагедий, с которыми столкнулась на

фронте, привели к тому, что несколько лет после окончания войны (в 1945 году демобилизовалась в Кенигсберге) у двадцатилетней девушки тряслись голова и руки²³⁴.

Сейчас, когда ветерана-инвалида Марию Степановну приглашают в военкомат для вручения очередного почетного значка, офицеры восхищенно спрашивают у нее: «Вы добровольцем пошли на фронт?» «Куда там добровольцем?! – отвечает она. – Нет. Услали за маму!»

Последнюю из дочерей Марфы, шестнадцатилетнюю Александру Кондратьеву, сельсовет направил на тяжелейшую работу – валять валенки. Ее младший брат вспоминает:

«После ареста мамы у нас разогнали всю семью. Шуру сделали валялом от боровковского ткацкого комбината. Я никогда не видел, как валенки валяют. И вот, когда побывал и посмотрел, то понял, что такое настоящая работа. Овечью шерсть протирают через барабаны. От этой процедуры идет страшная пыль. Потом шерсть отбивают. Опять в воздухе стоят пылица и грязница. Потом закройщик эту шерсть накладывает на доску, вырезанную в виде ноги. Шерстью обкладывают эту доску, получается как бы чулок. Рядом в печке стоят котлы: с кислотой, с кипятком, с холодной водой. И вот женщины окунают этот чулок попеременно то в один котел, то в другой и на стиральной доске катают с помощью валика шестигранного, ручки у него круглые, окованные в кузнице. Когда закатали, начинают колодки забивать. Работа мокрая, в помещении жара, духота; стены, пол, потолок влажные. Весь процесс невозможно рассказать, его надо видеть, чтобы понять тяжесть такой “женской” работы».

Детство Сергея Кондратьева закончилось с арестом матери. Начался не по возрасту тяжкий труд в колхозе. «Мне с одиннадцати лет нужно было себя и обстирать, и обшить, и поесть изготовить».

32

Главное его впечатление от военной поры – чувство постоянного жгучего голода.

«Все детство мое после мамы было голодное, – вспоминает он. – Вот начинается лето. Этот период, когда картошку уже посадили, самый голодный. Есть абсолютно нечего. Вот мы такой обычай завели. В обед бегу с колхозных работ домой. Хватаю там чайник и – опять же бегом – на луг. Река за нашим участком разливалась и затапливала канавы. В этих канавах росла густая трава. Прибежишь туда, траву надергаешь, сделаешь запруду. Потом из реки погонишь рыбу, и, глядишь, пошли щурята. Выловил их, набрал целый чайник и – вновь бегом – в избу. Отец там уже вскипятил воду в самоваре, и мы этим кипятком обвариваем щурят. Вот и еда на целый день. Поели, разбежались. Опять надо в колхозе пахать».

Малолетний трудяга успел поработать возчиком, лесорубом, почтальоном, грузчиком, пахарем, косцом. Трудовой день на лесоповале начинался рано и заканчивался вечером. Участок леса, подлежащий вырубке, находился далеко, за деревней Щекавцево, в глухом углу, как бы отрезанном от остального мира руслом заболоченной речушки Загребки. Дневная норма – пять кубометров.

«С одной теткой мы рубили лес, а потом срубленные бревна распиливали на дрова. Вот эта пожилая женщина и я, малец, рубим, пилим, таскаем и складываем поленья. Потом дрова сгружаем на телегу и везем оттуда в пекарню, в больницу, на колхозную ферму».

Летом начинается работа на пашне, боронование, сенокос. С трех ночи до девяти утра мальчик должен был скосить сено на двадцати сотках. После обеденного перерыва, то есть с полудня, пересаживался на лошадь и до позднего вечера развозил по округе почту. Два лета и одну зиму его направляли на так называемый «трудовой фронт». За эту тяжелую, отбываемую вдали от родной деревни общественную повинность колхоз не платил даже продуктами. (Засчитывался общеколхозный стаж, да по месту работы давали скудное двухразовое питание.) Зимой с 1943 на 1944 год тринадцатилетний Сергей и его пятнадцатилетний приятель Мишка провели на Монинском полигоне, очищая взлетную полосу. В колхозе им выдали по телеге, нагруженной сеном, и по лошади. Прибыв на аэродром, они поселились в деревянном четырехэтажном бараке. С восьми утра до пяти вечера вывозили снег, который на телеги грузили расконвоированные заключенные.

«Норму выполнишь – значит, дадут талон, приедешь в столовую, покушаешь. Вечером вручат талон на ужин. Не выполнишь – ничего не получишь. Нам не положено

33

никаких обедов, никаких выходных, никаких денег. А лошадей кормишь сеном, которое с собой привез».

Лето и осень 1944 года Сергей возил из леса на станцию Фрязево дрова для паровозов (это тоже называлось трудфронтом). В его бригаде состояло двенадцать человек. Трое малолеток (и он в их числе) работали возчиками. Остальные, «взрослые», члены команды пилили и грузили дрова. На постой рабочих определили в частные дома. Хозяин большой семьи, в которой Сергея разместили с двумя его сверстниками, смог выделить им место только на веранде. Когда в октябре ударили морозы, мальчишки стали замерзать, тем более что их летняя одежда не успевала обсохнуть за ночь.

Отчаявшись, ребята решились на побег. Вокруг станции на всех дорогах стояли милицейские посты, которые отлавливали беглецов, беспаспортных крестьян, и возвращали их к «барину», то есть к месту отбывания трудовой повинности. Однако сельские пареньки были уже тертыми калачами и сообразили пробираться в обход застав, через болота и так благополучно оказались дома.

Но трудовая одиссея крепостного мальчика, все лишения и невзгоды не шли в сравнение с тяжким чувством внутренней потерянности, которая, словно мороком, обволокла его душу после ареста матери. Казалось, что все силы ребенка занимал непосильный труд и борьба за выживание. (После колхоза морской флот, куда Сергея призвали на действительную службу, показался ему санаторием.) Но без материнского внимания, которое раньше он постоянно на себе ощущал, Сергей чуть не сошел с правильной жизненной колеи. Он вспоминает, как однажды, уединившись в сарае, сделал на левой руке наколку: «Не забуду мать родную». Зачем так поступил, какое поветрие донесло до крестьянского сына на эту моду уголовников – этого Сергей Кондратьев до сих пор не может понять. Спohватившись, попытался было, по совету знакомой медсестры, удалить крылатое речение с помощью лупы и марганцовки, но в итоге получил гангрену. Врачи предписали срочную ампутацию больной руки, и лишь помощь деревенской бабки-знахарки спасла его от инвалидности²³⁵.

Арест матери травмировал ее младших детей, порой побуждая их к странным поступкам.

По иронии судьбы, а может быть, и по какой-то запретной для нормального человеческого сознания, перекрученной логике нашей земной истории, младшая дочь Кондратьевых, Александра, в 1946 году вышла

замуж за Виктора Жданова, сына одного из зубцовских доносчиков, оклеветавших ее мать. (Сам Николай Жданов к тому времени был уже частично парализован и, как член партии, получил комнату в районном центре.) Жить молодожены переехали в избу к Степану Кузьмичу²³⁶. Но тот не выдержал²³⁷, не захотел с зятем находиться под одной крышей и через неделю после свадьбы сообщил, что дом продал в Новосергиево и новые хозяева должны перевезти избу в свою деревню. Делать нечего, молодым пришлось перебираться в оставшуюся на участке баньку, а вскоре съехать в отдаленное село Успенское. На месте крестьянской усадьбы, где Марфа и Степан Кондратьевы создавали свое хозяйство, растя детей и помогая тем, кто был беднее их, на полвека воцарилось запустение.

В августе 1991 года ветерок перемен достиг и этих мест. Полуразрушенный храм преподобного Сергия Радонежского вернули верующим. Из Москвы прислали священника, вскоре построившего дом и поселившегося с семьей в деревне. Начались церковные богослужения. Настоятель, желая привлечь в малочисленный приход новых людей, объявил храм «афганским», что означало своеобразное посвящение его убитым в Афганистане советским солдатам. Здесь регулярно стали совершаться заупокойные службы по воинам, погибшим в той войне. Несколько лет подряд после этого в Новосергиево приезжали вдовы и матери павших, приезжали и уцелевшие «афганцы». Но затем поток этих своеобразных паломников стал иссякать и постепенно вовсе прекратился. (Может быть, в других местностях появились схожие храмы, а может, сама идея, не имея корня, зачахла.) Надежды настоятеля на то, что приток родственников убитых солдат принесет необходимые материальные средства на восстановление церкви, не осуществились.

Советские парни (чьи мозги тщательно промывали комсомол и атеистическая пропаганда), сложившие свои головы в далекой азиатской стране, скорее всего, были некрещеными, а то и вовсе неверующими (и даже озлобленными на жизнь), но столь очевидное соображение не бралось в расчет зачинателями внешне эффектного псевдопатриотического (а по сути вполне кощунственного для религиозного чувства) начинания. И сейчас, через десять лет после возобновления служб, внешний вид храма производит удручающее впечатление: колокольня без креста, с ржавыми лестницами, ведущими прямым в небо (крыша отсутствует), трапезная с заколоченными окнами и обвалившимися углами, четверик с выпавшими из стен кирпичами, с обвалившимися у входа колоннами.

Когдаходишь в храм, то сразу замечаешь рядом с амвоном, у левого клироса, какое-то скромное сооружение, увенчанное стеклянным колпаком. Поначалу приходит мысль, что здесь выставлены частицы мощей какого-то угодника Божия или святыни, связанные с жизнью чтимого праведника. Однако, приблизившись, неожиданно обнаруживаешь реликвии совсем другого рода, напоминающие о бойне в Афганистане. Под стеклом витрины лежат гимнастерка с пилоткой одного из погибших солдат. Надпись славянской вязью гласит: «Во Царствии Твоем упокой, Господи, всех православных воинов, в земле Афганской убиенных».

Увиденное поражает, будто в заброшенном деревенском храме ты встретился со следами марсианского присутствия. Разве кремлевские старцы посылали в вольнолюбивую горную страну «православное воинство»?

На примере воинов-афганцев в приходе воспитывают подрастающую стайку мальчишек, детей религиозных родителей.

Но никто из нынешних прихожан не знает Марфы Кондратьевой, отдавшей свою жизнь не для завоевания чужой страны, а для возможности достойного существования в собственной. Благодаря ее подвигу и вопреки безжалостным законам кровавой эпохи, подчинившей себе волю народа, храм не снесли с лица земли. Молитва и труд Марфы Ивановны освящали эту местность в лихую для России годину. Но в помянниках собирающихся ныне в храме прихожан не записано имя замученной в концлагере церковной старосты. На ектеньях упоминают солдат-интернационалистов, «живот свой за отечество положивших».

Сейчас слободка в деревне Зубцово, где стояла изба Кондратьевых, превратилась в улицу Луговую, большей частью застроенную каменными особняками новых русских. Когда минувшим летом мы с Ольгой Степановной проезжали по ней, то в железных воротах одного из этих райских уголков стоял крепкий паренёк, вероятно «наследник», и энергично пояснял, выразительно оттопырив большой и указательный палец правой руки, видимо, излюбленную свою заповедь нескольким подошедшим по какой-то надобности деревенским старухам: «Теперь все за деньги».

И вот вопрос, всегда мучивший детей Марфы, подступает и ко мне. «Первое время, – рассказывает Ольга Степановна, – после ареста мамы я часто думала: всю жизнь она для церкви что-то делала, всю жизнь. Почему же получилось так, что она умерла там, в неволе? Ну, почему ее взяли? Вот это “почему” меня с тех пор постоянно мучает».

Не мной это придумано, что невинная жертва принимает страдания за грехи других, расплачиваясь за темное устройство окружающей действительности. Уйдя из жизни, она после смерти своей молитвой может влиять на реальность, изменяя ее к лучшему.

Марфа Кондратьева – пример устойчивого русского семейного человека, укорененного в христианской традиции. Религия и семья – основные ценности, на которых зиждется ее миропонимание. Евангельская Мария не отходила от ног Христа, слушая Его слово, пока ее сестра, Марфа, хлопотала по хозяйству. И наша Марфа все время проводила в хлопотах о хлебе насущном, но евангельское слово также росло, звучало в ее душе. Она хотела поднять свое хозяйство, своих детей («Желаю вам жить хорошо, – писала она из неволи. – Старайтесь, работайте...»), чтобы всем этим своим сокровенным достоянием служить Богу и людям. Она много сил отдавала Церкви, понимая, что та наилучшим образом использует их для помощи нуждающимся. В этом было ее видение достойной человека жизни: открытой и милосердной к другому.

Превратится ли свет, исходящий от загубленной крестянской судьбы, в излучение далекой и недостижимой звезды на ночном небе нашей истории или его живительное тепло будет востребовано и воспринято опытом соплеменников цветочницы Марфы?

Приложения: Письма

Федоратъевой
Марьи Ивановны

Всего сохранилось 10 писем Марфы Ивановны Кондратьевой, отправленных ею из сибирского концлагеря. Писем было гораздо больше, хранились они на чердаке избы Кондратьевых, но при продаже дома пропали. Письма №№ 2–6, 8 написаны самой Марфой. Письма №№ 1, 7, 9, 10 продиктованы Марфой кому-то из ее соузниц. Эти последние 4 письма отличаются сравнительной грамотностью. Письмо № 1 написано карандашом на обороте «фуражных ведомостей» («Форма № 71 ФПО»), коричневым, низкого качества листе бумаги. Письма №№ 4–6, 8, 9 написаны на тетрадном листе в клетку. Лишь одно письмо (№ 9) написано чернилами. На обратной стороне письма № 7 указан почтовый адрес и отправителя, и адресата. Здесь же проставлен штамп цензора.

В письмах частично сохранены некоторые особенности правописания оригинала.

Письмо первое 14/VI – [19]42 г.

Дорогой Степан Кузьмич и дорогие детки, Коля, Оля, Маня, Шура, Сережа, Маруся и дорогая дочка Катя, шлю вам всем свой далекий сердечный привет. Я нахожусь в лагере близ Новосибирска, работаю дневальной пока, здоровье мое все такое же.

Посылаю второе письмо, но ответа от вас нет, не знаю, что думать. Очень хочу знать, где вы все и как вы живете. Если можно, пошлите посылочку, смену белья, головных платков, чулки, мыла, соли, нитки, черн[ные] и бел[ые] и вообще, что сможете.

Жду подробного ответа. Посылки заключенным разрешаются. Целую вас крепко. Пишите чаще, письма не ограничены. Передайте привет Ксении Ивановне и Феше.

Остаюсь ваша мама Марфа Ивановна.

Шлю привет невестке Марусе.

Примечания:

Маруся и дочка Катя – невестка и внучка Марфы (жена и дочь ее сына Николая).

Ксении Ивановне – Ксения Ивановна Куркова (см. с. 86–87), подруга Марфы.

Феша – Фекла Кондратьева, падчерица Марфы.

Письмо второе

[Лето 1942 г.]

Теперь я спешу вам сообщить то, что очень я расстраиваюсь. Пока шлю вам свое материнское благословение и низкий поклон и прошу вас детки живите мирнее друг друга не обижайте и меня не забывайте. Милые детки, передайте привет всем родным и знакомым, Ксеньи Ивановне. Милые детки, Оля, Шура, Сережа и Степан Кузьмич, я думаю с вами увидаться. Передайте привет Ивану Васильевичу Крупнову. Теперь я вам пишу то, что на меня много Груша с Катькой Наташиной наговорили Серову. Теперь милые детки напишите как живут Архиреев, Жданов и Серов и пропишите кто помер в деревне. Передайте привет Аннушке Бу-

равлевой и батюшкиным девкам, передайте привет Оне с детками и Феше, Вале и Кумаровой Фене, Бобыкиным Сане, Евлании и тете Паше, Тане Харулевой.

Степан Кузьмич, Оля, Маня, Шура, Сережа. Крепко крепко я вас целую, но только я далеко [от вас]. До свиданья. Ваша мама Марфа.

Примечания:

Груша – Аграфена Шелкова.

Катяка Наташина – Екатерина Шаталина, дочь Ксении Курковой.

И Аграфена, и Екатерина жили в Боровково (дом Аграфены был напротив родительского дома Марфы), поддерживали дружеские отношения с Марфой.

Аннушка Буравлева – жила в д. Ново, подруга Марфы по церкви. После ее ареста старалась помогать Кондратьевым.

Батюшкиным девкам – в соседней с Зубцово деревне Ново у магазина жили две девки-вековухи. Их все звали «монашками». Во время богослужений они помогали священнику в храме. Марфа дружила с ними, часто «забегая» к ним в гости. Если у Кондратьевых кончались деньги, то Марфа всегда могла их занять у «монашек».

Оня с детками – жена и дети Ивана Кондратьева.

Валя – Валентина Шматко, дочь Феклы («Феши») Кондратьевой.

Кумарова Феня – Комарова Фекла, двоюродная сестра Марфы. Жила в Зубцово.

Бобыкиным Сане, Евлании – соседи Кондратьевых по д. Зубцово.

Тетя Паша и Таня Харулева – сестры, соседи Кондратьевых.

Письмо третье 23 августа [1942 г.]

Добрый день, дорогие детки, Оля, Шура и сынок Сережа. Милые детки, спешу вам написать, что я жива, но только нет здоровья. Меня активировали, [так] как я не могу работать. Милые детки, я от вас не получала 2 месяца писем и так мне грустно и обидно. Я получила письма от Прони и от вас, которое писала Шура. Как провели праздник? Милые детки, у нас говорят что активированных будут отпустить скоро, но не знаю, [правда ли это]. Милые детки, шлю я вам свое сердечное благословение и с любовью сердечный привет. И милые детки не забывайте меня, пишите чаще письма и шлите бумагу.

Затем до свиданья, остаюсь жива, но нет здоровья, ваша мать М. И.

Заочно я вас крепко крепко целую в уста.

Примечания:

Проня – муж Феклы Кондратьевой, зять Марфы. Работал на заводе в г. Электросталь, соседнем с городом Ногинском.

Как провели праздник? – скорее всего, имеется в виду праздник Преображения Господня, отмечаемый Церковью 19 августа по н. ст.

Письмо четвертое [Осень 1942 г.]

Здравствуйте, дорогие мои родные, здравствуй, Степан Кузьмич, знать ты неграмотный и писать не можешь. Здравствуйте, мои милые детушки, Оля, Маня, Шура и милый сынок Сережа. Шлю я вам всем свой пламенный сердечный и плачущий при-

вет, и шлю еще материнское мое благословение и желаю вам жить хорошо. Старайтесь, работайте, ну, а я вам как мать – меня не забудьте на чужой стороне, в глухой Сибири, в крутых горах. Я только когда крепко сплю, тогда и не думаю о вас. Я получила от вас 2 письма, которые писала Оля и Шура, а папинька и Маня и Сережа, знать, забыли про меня. А потому я так думаю, что вас не вижу во сне; видела раз Маню, а лица ее не видела, она воротником загородилась от меня. Теперь я вам сообщаю насчет питания. Я сыта пока, хлеб получаю пятьсот граммов. Получаю утром суп хороший, в обед суп и каша или картошка или горох и получаю [на] ужин тоже суп, а когда и кисель овсяный. Теперь вот какое дело. Подходит холод, а у меня нет обуви, не знаю, что делать и все [поизносила]. Затем до свиданья. Передайте привет Феше, вам и всем родным и всем соседям до свиданья. Ваша мама.

Письмо пятое 3 сентября [1942 г.]

Здравствуйте, дорогие мои родные: Степан Кузьмич, дорогие дочки Оля, Маня Шура и дорогой сынок Сережа! Шлю я вам мой сердечный привет. Я пока жива и здорова, получила письмо от Коли. Я вам послала письма, а ответа нет. Я получила от вас письма, которые писали Оля и Шура, 3 письма, а насчет Вани я узнала. Дорогие дочки, не обижайте папаньку. Передайте привет Оне с детками и Кате Ратьковской и передайте привет Ксении Ивановне, Феше с детками и всем соседям. Здесь у нас начинаются холода, а я все пообносила, сапоги кожаные все развалились, хожу все время в валенках.

И платье мое остается только новое, а все остальные худые. С питанием мне пока хорошо. Напишите, целы ли у вас коза и овцы и что получили в колхозе? Сколько заработали трудодней? Напишите, как у вас с питанием? Как работа у вас идет и где, на что меняли хлеб? Затем до свидания. Напишите, у вас ли ключи от церкви. Если у вас, то сходите, поглядите, все ли там в порядке.

Ваша мама. Пишите почаще.

Примечания:

Письмо от Коли – от сына Николая Кондратьева, находившегося в действующей армии.

Насчет Вани я узнала – речь идет о смерти Ивана Кондратьева, погибшего на фронте. См. с. 203

Катя Ратьковская – дочь Анны Кондратьевой, падчерицы Марфы. Катя рано осиротела, и Марфа воспитывала ее в своей семье. После ареста бабушки Катя жила в д. Ратьково у родственников.

Письмо шестое
23 октября [1942 г.]

Здравствуйте, милые детки, спешу вам сообщить о своей жизни, что я живу ничево, сытая, работаю каждый день, мою полы в своем бараке, где живу. Милые детки, спасибо вам за ваши письма. Я получила 3 письма сразу, которые писали Шура, Сережа и Оля, а Маня, зная, не грамотна, ни одного письма не напишет, а я могу писать только 3 раза в месяц, а получать хоть каждый день. Теперь спешу уведомить вас, что я деньги не получила и телеграмму на счет денег [также не получила], я подала заявление, [вновь] слать подождите.

Пишите ответ скорее.

Письмо седьмое
13/1 – [19]43 г.

Здравствуйте, мои дорогие, родные Степан Кузьмич и дорогие дочки Маня, Шура и дорогой сыночек Сережа! Спешу я вам сообщить насчет посылки. Старайтесь как можно скорей выслать посылку, очень нуждаюсь в одежде и белье. Денег не высылайте, они здесь не нужны, высылайте больше бумаги, не на чем писать письма, каждый кусочек покупаю за хлеб. Получила письма из Следово и то прислали листок бумаги, а от вас нет лишней бумаги. До свидания. Целую вас Степан Кузьмич и дети Маня и Шура и Сережа.

Целую мама.

Примечания:

Получила письмо из Следово – в деревне Следово Ногинского района жила Евдокия, двоюродная сестра Марфы.

Письмо восьмое
13/1 – [19]43 г.

Здравствуй дорогая дочка Поля! Письмо я твое получила, за которое сердечно благодарю и шлю тебе свой сердечный привет. Дорогая дочка, постарайся насчет посылки. Проси – в лагерь для заключенной, так принимают. Старайся хлопотать обо мне, можно военному служащему выхлопотать. Когда будете письмо писать, старайтесь побольше бумаги чтобы оставалось чистой, так как мне писать не на чем. Насчет денег, больше не присылайте, так как я еще и эти не получила, которые вы послали. До свидания.

Целую мама.

Примечания:

Дочка Поля – Ольга Степановна Кондратьева, старшая дочь Марфы.

Можно военному служащему выхлопотать – намек на то, что близкие должны писать просьбы об освобождении Марфы, ссылаясь на ратные заслуги ее детей-военнослужащих.

**Письмо девятое
21 января [19]43 г.**

Здравствуйтесь, дорогие мои родные, Степан Кузьмич и дорогие детки, Маня, Шура и Сережа! Шлю я вам материнское благословение и материнский привет. Дорогие мои родные, спешу сообщить вам о своем здоровье. Здоровье мое слабое, обувь одежду все подносила. Вы пишете насчет посылки. Если от вас нельзя переслать, постарайтесь передать Коле, из Рязани посылки идут. Олю просите, чтобы хлопотала обо мне. Если сумеете переслать посылку сами, то пришлите сами. Если можно, то сухариков и немножко сальца. Постарайтесь мне прислать варежки и штаны, у нас сильные ветры, холодно. И пришлите обязательно бумаги, писать не на чем.

Передайте привет Ксении Ивановне и Бобыкиным Сане и Евлании и тете Паше. И передайте привет Феше с детками и привет снохе Оне с детками и свахе Марии Ивановне. Привет передайте в Хотьково зятю Сане и дорогой внучке Кате. Привет Марусе [из] Мамонтово и Кате.

Получила я письмо из Следова, но я им не писала, не на чем писать. Теперь сообщаю вам, что обувь моя вся износилась и валенки и кошанки, все стало плохое. Теперь, дорогие мои, спросите

папеньку, почему он мне не пишет письма, что он вам скажет и вы мне ответьте. Сообщаю вам насчет болезни: болею желудком и малярией. Напишите письмо Тоне, пусть напишет мне письмо. Я от нее ничего не получаю. Получила от зятя Прони телеграмму. Целую вас всех крепко, горячо любящая вас ваша мама.

Затем до свидания. Пишите чаще, о себе сообщайте. Оля пусть хлопочет*.

Примечания:

Маруся из Мамонтово – невестка Марфы, жена Николая Кондратьева. Жила в д. Мамонтово Ногинского района.

Тоня – жена Ивана Кузьмича Кондратьева, младшего брата Степана Кузьмича. Жила в Москве.

**Письмо десятое
14 апреля [19]43 г.**

Добрый день, дорогой супруг Степан Кузьмич и дорогие детки Шура и Сережа. Получила от вас письмо, за что очень благодарна. Я вижу, что вы еще не забыли меня и надеюсь, что и в дальнейшем не забудете и не бросите вашу старушку, которая, может быть, положит здесь свои кости. Я очень рада, что вы живы и почти здоровы, от души желаю вам счастья и здоровья, крепитесь и берегите себя. Я уже, конечно, благодаря преклонных лет, стала прихварывать и дряхнуть, да еще и в отношении питания очень трудновато, я все надеюсь получить от вас посылочку, может быть, для меня бы была поддержка. Если бы я, конечно, работала,

* В углу имеется приписка: «Пиши скорее ответ».

а то получаю инвалидный паек – обещают все отпустить домой, но почему-то воздерживаются. Уже лучше бы умереть дома, в родной семье, чем здесь. Но может быть, выживу и дождусь того светлого дня, когда вернусь к вам, к моим родным и дорогим сердцу моему – ведь вы у меня вся моя жизнь, вся моя радость. Письма я вам пишу регулярно, по 3 шт[уки] в месяц, не знаю, почему вы не получаете. Пишу на ваших же письмах. Пишите вы чаще, не забывайте меня и не заставляйте беспокоиться. От Маруси я получила открытку, от Оли тоже получила 3 письма. Ей я тоже писала по адресу. Прошу вас передать привет и наилучшие пожелания всем родным и знакомым, которые не забыли меня, старушку. Особенно кланяюсь снохе Марусе с дочкой Катей, жду от нее писем, и также внучке Катюше, пусть они напишут мне, как они живут – вообще ваши письма для меня праздник. Пишите, что вы имеете дома, какой скот и есть ли запас хлеба – жду с нетерпением. Целую вас крепко. Ваша супруга и мать Марфа Ивановна. Писем от вас я не получала 2 месяца.

Примечания:

От Маруси – Мария Степановна Кондратьева, дочь Марфы, находилась в действующей армии.

Сноха Маруся – жена Николая Кондратьева, жила в д. Мамонтово Ногинского района.

Примечания

Примечания
1. Деловая
2. 139

Примечания

Крестьянское домостроительство

- ¹ Кирпичный храм преп. Сергия Радонежского построен на погосте у д. Новосергиево в 1839 г., освящен в 1845 г. Официально закрыт в 1939 году (на самом деле на три года раньше, см. об этом с. 126, 254). Службы возобновились в 1991 г.
- ² По-видимому, свое название Боровково получило от дремучего бора, бывшего в древности в этих местах. Первое документальное упоминание о «пустоши Боровкова» восходит к 1444 году, когда она отошла к Стромьинскому Успенскому монастырю, находившемуся неподалеку. С 1764 года, после упразднения монастыря, боровковские крестьяне были отданы в ведение царской казны, стали «государственными».
- ³ Их деревенское прозвище – Галчихины.
- ⁴ В светелке, как правило, стояло десять-пятнадцать станов.
- ⁵ Точнее, он происходил из деревни, находившейся возле села Филипповского. Некоторое время в молодости работал красильщиком в Москве.
- ⁶ Она принадлежала еще родителям Надежды Яковлевны Гариной, родившейся около 1860 года. (Предполагаемый год ее рождения находится в пределах: 1859–1865.)
- ⁷ Архив ФСБ по г. Москве и Московской области. Архивно-следственное дело № ПЗ2455. Протокол допроса Кондратьевой М. И. от 7 декабря 1941 г. Л. 10. (Далее сокращенно: «Дело № ПЗ2455».)
Автор имел доступ к материалам дела Кондратьевой М. И. по ксерокопии, предоставленной ФСБ ее родственникам. Курсив в цитате принадлежит автору.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.

¹⁰ Описывая пореформенное положение русского сельского населения, философ Николай Бердяев отмечал, что, несмотря на владение большей частью сельскохозяйственных земель, крестьяне «остались неустроенными». Власть не помогла им профессионально переобучиться и модернизировать свое хозяйство. А главное, «сословный строй остался, и человеческое достоинство крестьянства осталось униженным» (*Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма*. М., 1990. С. 51. Репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955).

¹¹ Даже суды присяжных, появившиеся в России в результате судебной реформы, как правило, – независимо от фактического положения дела – брали в процессе сторону мужской половины.

«Нравственный уровень развития среды, из которой вербуются присяжные, – отмечал исследователь русского брачного права М. И. Кулишер, – часто приводит к безнаказанности мужей даже при нанесении ими тяжких побоев [женам]». Характерный пример приводит известный исследователь брачного права Г. Оршанский. В Тульском окружном суде (1870 г.) рассматривалось дело о нанесении мужем побоев супруге. «Жалоба жены вполне подтвердилась: показания свидетелей, 22 шрама на теле и приобретенная падушая болезнь говорили в пользу обвинения, но присяжные-крестьяне оправдали обвиняемого» (*Оршанский Г. Исследования по русскому праву обычному и брачному*. Приведено по: *Кулишер М. И. Развод и положение женщины*. СПб., 1896. С. 183).

¹² В 1885 г. на всю Империю, по официальным данным, было дано высочайшее разрешение на 6–8 разводов по «безвестному отсутствию» (среди православного населения) (*Энциклопедический словарь*. Т. XXVI. СПб., 1899. С. 135). В то же время в реальной жизни фактический развод в тех или иных формах носил весьма широкий характер. Отказ от выяснения причин, порождавших «бегство» из семьи, нежелание признать наличие самого процесса привели к конфликту между верующими и государством, верующими и Церковью, чем впоследствии умело воспользовались большевики, разрушая Церковь и традиционный российский уклад. Об этом, в частности, говорилось в актуальном и содержательном докладе американского историка Джорджа Фриза, сделанном на научной конференции, посвященной российским новомученикам («Осень Святой Руси»), в Bose (Италия) в 1998 году: Freeze G. L. Russian

Orthodoxy and Family Breakdown: Divorce in Revolution and War, 1917–1921. Chapter: The Marital-Divorce Question in Prerevolutionary Russia. Manuscript.

¹³ В обязанность брошенной «половины» входило предоставление доказательств того, что «другая сторона бесследно исчезла минимум за 5 лет до возбуждения бракоразводного процесса». Причем судебная процедура «включала в себя кампанию по розыску пропавшего по всей стране». Подобные требования в сочетании с необходимостью выполнять другие процессуальные формальности растягивали бракоразводные процессы порой на десятилетия (*Там же*).

Надо отметить, что виновником развода не обязательно был муж. Жены также пускались в бег, оставляя супруга с детьми.

¹⁴ По свидетельству руководителя одного из российских земств, в его уезде количество прошений о выдаче отдельных паспортов замужним женщинам (что, по существу, являлось требованием развода) возросло – в сравнении с 1899 годом – в 1902 году в 11 раз, а в 1903 году – в 25 раз (*Жизнь крестьянской семьи по закону*. М., 1906. С. 19).

¹⁵ *Способин А. Д.* О разводе в России. М., 1881. С. 173.

¹⁶ Дело № П32455. Л. 10.

¹⁷ О чем говорит собственноручно сделанная им запись в помянике.

¹⁸ Скорее всего, они венчались в начале 1917 г.

¹⁹ У Степана Кузьмича долго и тяжело болела первая жена.

²⁰ Позже советские следователи отмечали этот факт как признак классовой шаткости Марфы. См. текст «Характеристики» на с. 135–136.

²¹ «Отец все говорил, что мы вот с матерью венчались с паникадилами» (Запись беседы с О. С. Семенчуковой, в девичестве Кондратьевой, лето 1991 г.).

²² Дочь Евдокия умерла 1 мая 1918 г., сын Петр умер 23 июля 1919 г. (Запись в помянике С. К. Кондратьева).

²³ Своеобразная девятилетка деторождений продолжилась появлением Марии (февраль 1924 г.) и Александры (апрель 1926 г.) и завершилась в октябре 1930 г. сыном Сергеем – уже на гребне подымавшихся гонений на крестьянство: в 1929–1930 годах в деревне образовали колхоз.

Колхозное рабство

²⁴ Так называют это учреждение дети Кондратьевых. Дочь, Мария Степановна, говорит о нем еще как о «заготовительной конторе для правительства».

В годы революции уполномоченные комиссариата продовольствия и различных партийных и советских учреждений направлялись в хлебные местности для закупки продуктов и последующей отправки их в центр. В Москве и других крупных городах, ставших своеобразными цитаделями новой власти, добытое продовольствие распределялось в первую очередь между партийными и советскими работниками, а также между рабочими крупных промышленных предприятий. Следует различать *уполномоченных по закупке от уполномоченных по насильственному изъятию хлеба и прочего провианта*: последние направлялись в провинцию во главе различного рода карательных отрядов. По-видимому, Иван Кондратьев был одним из уполномоченных по закупке (а не по изъятию). В советской литературе описывалась биография уполномоченного по продовольствию Петроградской трудовой коммуны, направленного в 1919 году в Сибирь «для заготовки и отправки ненормированных продуктов» в адрес Петроградского комиссариата продовольствия. Уполномоченным выдавались удостоверения на получение бесплатных железнодорожных билетов «и беспрепятственного проезда по всем делам службы в вагонах любого класса» (*Воронин С. Стук в полночь*. Рассказы. М., 1972. С. 7).

²⁵ В Первую мировую служил в кавалерийских войсках.

²⁶ Запись беседы с Марией Степановной Чельшевой (в девичестве Кондратьевой, сентябрь 2000 г.).

²⁷ Запись беседы с Сергеем Степановичем Кондратьевым, сентябрь 2000 г.

²⁸ Там же. «В Глухово», то есть на Глуховском ткацком комбинате в г. Богородске.

²⁹ Запись беседы с М. С. Чельшевой, август 2000 г.

³⁰ Старшая дочь Марфы Ивановны вспоминает об одном случае: «Как-то Ваня, сводный брат, выпил (а редко случалось, чтоб он выпивал: человек был настолько рукодельный – за что ни возьмет, все сделает), приехал к теще и ну ее ругать». Узнав об этом от младших детей, мачеха поспешила на место происшествия. «Подходит к нему: “Ванюшка, ты что ругаешься?” –

“Мама, отойди, а то я ругнусь матом! Мама, уйди, а то я при тебе не хочу матом ругаться!” Он ей хоть не родной был, но стеснялся матери».

³¹ Беседа с М. С. Чельшевой, август 2000 г.

³² «Бумажная стружка» – цветная бумажная лента.

³³ Запись беседы с Сергеем Степановичем Кондратьевым (сентябрь 2000 г.).

³⁴ Для Марфы Ивановны ремесло цветочницы не было связано только с материальной выгодой, получаемой непосредственно от продажи своих изделий, а прежде всего вытекало из бескорыстного желания передать чувство радости и благоговения перед красотой жизни. В ее труде преобладало стремление украсить человеческое существование, выразить восхищение замыслом Творца.

³⁵ Беседа с Марией Степановной Чельшевой (Кондратьевой), сентябрь 2000 г.

³⁶ В советской пропаганде частные торговцы изображались как жадные, корыстные нелюди. Но народ относился к ним по-другому. Для него «кулаки», «частники» – это, прежде всего, добросовестные труженики. С течением времени в восприятии жителей Зубцово выкристаллизовалась главная черта личности Марфы: бескорыстность. Да, она зарабатывала на жизнь продажей своих изделий, но делала это посредством честного труда и для пропитания семьи. Ее труд украшал окружающую действительность.

³⁷ Беседа с О. С. Семенчуковой, лето 1991 г.

³⁸ Беседа с С. С. Кондратьевым, сентябрь 2000 г.

³⁹ Деревня Ново расположена рядом с д. Зубцово.

⁴⁰ *Законы для всех сословий, находящихся по выборам на службе*: Необходимая книга для предводителей дворянства, городских и ремесленных голов, ратманов, словесных судей, базарных смотрителей, старост, бургомистров, волостных голов и др. / Сост. А. Марков. М., 1861. С. 183.

⁴¹ Беседа с М. С. Чельшевой (Кондратьевой), май 2001 г.

⁴² Об этом вспоминает его зять, В. В. Семенчуков (1917 г. р.). Известно, что воинское подразделение, где служил С. К. Кондратьев, стояло в Ломжинской губернии Царства Польского. Сохранилась фотография, сделанная в ателье города Острова

Ломжинской губернии, на которой он, одетый в форму с ефрейторскими погонами, окружен друзьями-однополчанами, уезжающими для прохождения службы на Дальний Восток (из чего можно предположить, что прослужил он до 1904 г., до начала русско-японской войны).

⁴³ В кавычки взяты слова О. С. Семенчуковой, дочери Кондратьева.

«Я не согласился на вступление [в партию]», – вспоминает слова отца его младший сын.

О. С. Семенчукова смутно припоминает, что отца как-то вызвали в г. Александров Владимирской губернии на какое-то совещание деревенских старост, где ему также сделали предложение о переходе на советскую работу.

Староста храма

⁴⁴ Вся зажиточность этой семьи основывалась на разведении пчел.

⁴⁵ В доколхозное время.

⁴⁶ Так помнит О. С. Семенчукова, но ее младшая сестра, Мария, считает, что у матери были проблемы по «женской части».

⁴⁷ По данным всесоюзной переписи 1937 г., результаты которой сразу же были засекречены, подавляющая часть деревенского населения страны считали себя верующими. 56,7% всех опрошенных лиц в возрасте 16 лет и старше, согласившихся ответить на вопрос о своем отношении к вере, назвали себя религиозными людьми. «Три четверти [верующего] населения были привержены православию», – резюмирует историк, изучавший материалы данной переписи. См.: *Жиромская В. Б.* Религиозность народа в 1937 г.: По материалам Всесоюзной переписи населения // *Исторический вестник. Научный журнал.* М.–Воронеж, 2000. № 1. С. 109.

⁴⁸ Она показала дочери и дом, где жил прежний церковный староста: дом стоял в конце слободки в Боровково.

⁴⁹ О. С. Семенчукова.

⁵⁰ Аскетический термин, подразумевающий, что все, что принадлежит тебе, лишь находится в твоём временном ведении. Ты должен, как рачительный управляющий, употребить его наи-

лучшим образом для стяжания добрых дел. Ко всему же, что тебе не принадлежит, ты должен быть бесстрастен и того не касаться. См.: *Преп. авва Дорофей.* Душеполезные поучения. Св.-Троицкая Сергиева Лавра, 1904. С. 52–53. Поучение 3. О совести.

⁵¹ Эти воспоминания порождают у Сергея Степановича грустные сравнения с современностью. А ему есть с чем сравнивать. Несмотря на пенсионный возраст, он продолжает работать завхозом на крупном предприятии Ногинского района. «Вот сейчас я смотрю: только отвернись, уже материальной ценности нету! Все на учете держишь. Только отвернешься на секунду... Ага! Пропало. Соображаешь: кто здесь был? Однажды столкнулся с таким случаем. Завозят материал, я открыл ворота. В этот момент меня отозвали, буквально на две-три минуты. Прихожу: все уже завезли, разгрузили, ворота закрыли. Ага! Напротив ворот стоит пенал, куда сгрузили привезенные уголки. А только-только снег прошел. Думаю: «Чего-то следов-то много возле пенала?» Пошел по следам. Смотрю: прутки медные уже спрятаны! Пошел дальше, смотрю, там еще лежат! Я этих мужиков, что разгружали, вызвал и говорю: «Слушайте, только трое вас было, кто взял?» – «Мы не брали. Нет. Мы не трогали». До дирекции дошло. Они отказываются: «Нет, мы не брали». Делают из себя обиженных: «Раз нас подозревают, больше мы не будем ходить помогать». – «Очень хорошо, я говорю, вы нашли причину для того, чтобы отказаться и не делать. Выходит, я спрятал, а вы не при чем?!»
Итак, концы в воду, виновных нет, а воровать воруют».

⁵² Анны Кондратьевой, 1910–1938.

⁵³ М. С. Кондратьева.

⁵⁴ М. С. Кондратьева.

⁵⁵ Дело № П32455. Л. 14. Протокол допроса Жданова Н. И. от 1 декабря 1941 г.

⁵⁶ Дело № П32455. Л. 33. Протокол судебного заседания Ногинского Военного трибунала Московского военного округа от 24 декабря 1941 г. Показания свидетеля Серова М. С.

⁵⁷ По преданию, этой иконой преп. Сергий Радонежский благословил своего ученика Леонтия, основавшего Стромьинский Успенский монастырь (упразднен в 1764 г.). 16 февраля 1841 г. восемнадцатилетняя жительница с. Стромьины Мавра Фаева, страдавшая с детства «расслаблением», после молитвы перед

иконой полностью выздоровела. С этого времени икона особенно почитается и причислена к чудотворным. (Кипрская икона Божией Матери в селе Стромьины, Московской губ., Богородского у. Сергиев Посад, 1905.)

⁵⁸ О. С. Семенчукова.

⁵⁹ Персональная пенсия местного значения. Постановление Ногинского районного Совета депутатов трудящихся Московской обл. Протокол № 29 от 4/5-1940 (Московский областной исторический архив. Ф. 5849. Оп. 2. Д. 6. Л. 95). До 1940 г. он получал пенсию размером в 25 рублей в месяц – «по местному бюджету» (*Там же*).

⁶⁰ Инструкцию, помогающую определять, кто же такой «враг» на селе, срочно – по заданию комиссии Политбюро, отвечавшей за проведение политики раскулачивания, – разработал Генрих Ягода. Кулаки – это наиболее зажиточные крестьяне, это те, кто бегут «из районов постоянного жительства» (т. е. ищут спасения от голода, безработицы и преследований в других местах страны), это «активные члены церковных советов». См. Приказ ОГПУ № 4421 от 2 февраля 1930 г. в: *Ссылные мужики: Правда о спецпоселках* / Публ. Н. В. Тепцова // *Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 239.*

⁶¹ Список семей, высланных из Ногинского района, Московской области. Июль 1931 г. Л. 9 // Архив администрации Ногинского района. Сохранены грамматические и стилистические особенности оригинала. Приношу благодарность за помощь в работе Неониле Михайловне Хартюновой, заведующей отделом по делам архивов администрации Ногинского района.

⁶² Приписка эта стоит против фамилии Сериковых в списке, составленном несколько ранее вышеупомянутого: Список, утвержденных кулацких хозяйств к выселению из Ногинского района, Московской области. С. 22.

⁶³ Впрочем, по воспоминаниям Сергея Степановича Кондратьева, и в Стромьины у матери были родственники, причем как-то связанные с местным храмом.

⁶⁴ Большое значение придавалось московским родственникам. Часто Марфа ездила к Григорьевым (своим родственникам по деверю), стирала им белье, а они в оплату за труд нагружали ее

сумкой с подсушенными французскими булочками – прекрасным подарком для детворы.

⁶⁵ Основана в начале XVII в. С советских времен и по сию пору в ней находится психиатрическая больница.

⁶⁶ Зимой на помощь жене приходил муж, сменяя ее за станом.

⁶⁷ Беседа с М. И. Гражданкиной (1925 г. р.), июль 2000 г.

⁶⁸ В это время он работал грузчиком на фабрике в Боровково.

⁶⁹ Об этом, в частности, упоминает в мемуарах бывший комсомольский руководитель, городской старожил Ю. И. Лепетов (1919–1994). См.: *Лепетов Ю. И. Жизнь невозможно вернуть назад* // *Богородский край: Альманах* / Ред.-сост. Е. Н. Маслов. Ногинск-Богородск, 2000. № 2 (7). С. 77.

⁷⁰ Беседа с М. С. Чельшевой.

⁷¹ Беседа с С. С. Кондратьевым.

⁷² М. С. Чельшева.

⁷³ М. С. Чельшева.

⁷⁴ С. С. Кондратьев.

⁷⁵ Крошенное, умятое ногами сено.

⁷⁶ М. С. Чельшева.

⁷⁷ К лицевой стороне одеяла Марфа пришивала белую тряпочку-метку, чтоб знать, какой стороной укрывать лицо, а какой ноги. Это деталь бытовой культуры эпохи. Так было принято делать не только в крестьянской, но и в мещанской среде и даже в среде народной интеллигенции. Николай Никанорович Беляев, сын крестьянина, окончивший духовную академию и со временем ставший епископом, неизменно, до последних лет жизни, метил схожим образом свое постельное белье.

⁷⁸ М. С. Чельшева.

⁷⁹ О. С. Семенчукова.

⁸⁰ Но в результате насильственного перекроя государством крестьянского мира, носителей личностного сознания в крестьянстве – «тех, кто, опираясь на христианскую мораль, действительно мог исполнять в социуме роль авторитетных советчиков» и ориентиров – оставалось все меньше и меньше, сила и охват их влияния на общину неуклонно уменьшались. См.: *Лурье С. В. Как погибла русская община* // *Крестьянство и индустриальная цивилизация. Сб. статей. М., 1993. С. 159.*

⁸¹ С. С. Кондратьев.

⁸² Белов В. И. Лад: Очерки о народной эстетике. М., 1989. С. 146. «Глава семьи есть отец» – гласила статья 107 Свода Законов Российской Империи (*Свод Законов Российской Империи*. Т. X. СПб., 1900. Цит. по: *Жизнь крестьянской семьи по закону*. М., 1906. С. 23).

⁸³ На следующем примере видна разница между эволюционными переменами, происходившими в западноевропейской деревне, и катастрофической перелицовкой деревни советской. Социологи проследили историю одного рода мелких ремесленников из французского городка Совтэр и его окрестностей. На протяжении четырех поколений, с конца XIX до конца XX столетия, представители этого семейного клана из сельских ремесленников превратились в городских торговцев и мелких фабрикантов. Однако деятельность последних также была связана с деревней и, более того, в своей деятельности использовала *капитал доверия*, имевшегося у крестьян в округе к их фамилии. Без этого невидимого капитала человеческих отношений нет прогресса и в экономической сфере. (См.: *Берто Д., Берто-Вьям И.* Наследство и род: Трансляция и социальная мобильность на протяжении пяти поколений // *Вопросы социологии*. Т. 1. 1992. № 2. С. 106–121.)

Кондратьевы в каком-то смысле были также сельскими ремесленниками, связанными с производством искусственных цветов и с ткачеством. Младшее поколение семьи во второй половине XX века перебралось в город, связь с деревней полностью прервалась, а сам отцовский дом бесследно исчез с лица земли. Да и молодежь перебралась в город только ради того, чтобы физически уцелеть, а не развивать семейное дело. О капитале доверия в российских условиях говорить невозможно, так как условия существования в тоталитарном государстве вырабатывали прямо противоположное: капитал недоверия друг к другу. «В деревнях и селах оставались те, – суммирует современный российский исследователь, – кто сделал ставку на советскую власть, кто решил верно служить ей, вознамерился сделать карьеру на унижении и порабощении односельчан... Оставались одуроченные режимом и те, кто по возрасту, семейным обстоятельствам или физическому увечью не могли убежать. Наконец, оставались понявшие... что от советской власти нигде не спрячешься» (*Полов В.* Паспортная система советского крепостничества // *Новый мир*. 1996. № 6. С. 190).

⁸⁴ *Емельянов Б.* Из Колымского дальнего края... // *Средь других имен*: Сб. / Сост. В. Б. Муравьев. М., 1990. С. 56. Эту песню, например, исполняли в 1940 г. в Киевском клубе пиццевиков, на вечере отдыха (свидетельство писателя Г. М. Шурмака).

⁸⁵ *Гюнтер Х.* Поющая Родина: Советская песня как выражение архетипа матери // *Вопросы литературы*. 1997. № 4. С. 51.

⁸⁶ Там же. С. 61.

⁸⁷ В позднесоветскую эпоху, в 1972 году, по обвинению в антисоветской агитации (ст. 70, ч. 2 УК РСФСР) были осуждены восемь православных женщин (среди них Надежда Усова и Глафира Кульдышева). Один из пунктов обвинения инкриминировал им исполнение и «распространение» духовных песен. (См.: *Вести из СССР*: Список политзаключенных СССР по состоянию на 1.05.1983. Вып. 5 / Сост. К. Любарский. Мюнхен, 1984.) За сообщение об этом случае благодарю Е. Н. Санникова.

⁸⁸ Интересно, что сравнительно длительное время после революции крестьянская читательская среда гораздо критичнее и трезвее, чем среда городского пролетариата, оценивала советскую художественную литературу. Крестьяне более четко сознавали надуманность сюжетов советских книг и подчиненность их идеологической пропаганде. В материалах обследования деревенской читательской аудитории, собранных в двадцатые годы XX века, зафиксированы, в частности, такие оценки крестьянами художественных произведений советской литературы: «Надоели комиссары», «Пишут не то, что есть, а то, что бы хотели, чтобы было». Таким образом в те годы высказывалось 19% опрошенных крестьян. См.: *Добренко Е.* Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 59–60.

⁸⁹ Записано автором в 1980 г., в Чувашии.

Гроза 1941-го года

⁹⁰ Земля боровковская в свое время повидала и «кромешников» Ивана Грозного. Во второй половине XVI столетия деревня Боровково на несколько десятилетий перешла во владение служилых людей, Френчуковых, опричников царя (*Копышев П.* Боровково // *Знамя коммунизма: Орган Ногинского ГК КПСС* и

Гогинского городского Совета народных депутатов. 1971. 11 декабря).

⁹¹ Сейчас остались в живых лишь те, кто знал Ефросинью Васильевну Хрулькову только в послевоенные годы. Из их воспоминаний о своей «утешительнице» видно, с какими разнообразными вопросами к ней приходили люди, остро чувствовавшие и свое духовное одиночество, и свою ненужность в мире «больших дел» и «великих свершений»:

«В тридцатые годы церкви, почитай, все позакрывали. Духовенство сослало, да рассказали, книг духовных никаких не было. Иконы по домам и то боялись открыто держать. А тут живая монахиня... Стали сельчане обращаться к ней за помощью. Кого тяжкая странная хворь одолела, у кого в семье разлад, кто с вопросом, кто за советом, а у кого-то корова молока не дает. Ефросинья чем могла помогала. А что она и могла, немощная? Помолиться только. Вот она и молилась» (Николаев С., священник. Храм Рождества Христова в с. Заозерье. Матушка Ефросинья из Песьян. М., 1999. С. 34–35).

⁹² Фабричное село Глухово (Глуховка) возникло в середине XIX в., находилось вблизи г. Богородска. В декабре 1917 г. декретом новой власти присоединено к городу, став одним из его районов.

⁹³ Дело № П32455. Протокол допроса Архиреева М. Е. от 1 декабря 1941 г. Л. 18.

Здесь и далее в цитатах из материалов дела сохранены лексика и орфография подлинника.

Вот одна из «малых» проблем, порожденных социалистическим обобществлением собственности в деревне. Отсутствие в частном владении лошадей сковало крестьян по рукам и ногам, может быть, в большей еще степени, чем при крепостном праве. Но еще до возникновения колхозов новые управленцы проявляли себя в отношении подчиненных вполне в духе старорежимных салтычих. Характерен случай из жизни Богородского уезда начала 1920-х годов. В поселке Обухово у администрации местной ткацкой фабрики не нашлось свободных лошадей, чтоб доставить беременную жену одного из своих рабочих в больницу. Все лошади были заняты на охоте, устроенной для фабричного руководства («спецов»). Женщина пошла пешком в больницу и родила по дороге (Голос рабочего. 1923. № 4. С. 3).

⁹⁴ С конца восьмидесятых годов в печати стали появляться письма крестьян, направленные в органы советской власти. Эти письма полны жесткой правды о пагубных результатах коммунистической политики и нелицеприятной критики в адрес партии и правительства. См., например: *Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг.* М., 1989; *Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы.* Т. 1 (Май 1927 – ноябрь 1929.) М., 1999.

⁹⁵ Бдительность «органов» заслуживает всяческого удивления. Ведь Демьяновку от районного центра, г. Сталинска, где бодрствовал ближайший к месту «преступления» отдел НКВД, отделяло еще 70 километров.

О деле Матрены Макаровны Чучалиной см.: *Замира Ибрагимова, Илья Картушин. Матренин грех // Огонек. 1989. № 5. С. 21–23.*

⁹⁶ Правда, у М. И. Кондратьевой трое из семи детей неродные.

⁹⁷ Настроение Сталина в это время было паническим, он считал, что Москва находится в безнадежном положении. См.: *Самсонов А. М. Москва, 1941 год: От трагедии поражений – к великой победе.* М., 1991. С. 104–111. О панике в городе также см.: *Алексеев В. Хотел ли Гитлер взять Москву? // Русское возрождение. Париж-Нью-Йорк, 1978. № 3. С. 118–134.* Также: *Андреев Г. Почему Гитлер не взял Москву? // Русское возрождение. 1979. № 5. С. 227–237.*

⁹⁸ *Попков И. Бдительность и еще раз бдительность! // Известия. 1941. № 285. 3 декабря. С. 3.*

Эта статья принадлежит майору госбезопасности. Ранее появилась статья под названием «Уничтожать шпионов и провокаторов», подписанная А. Петровым, также майором госбезопасности (Известия. № 244. С. 3).

Подобные статьи тогда же появлялись и в «Правде». См.: *Самсонов А. М. Москва, 1941 год... М., 1991. С. 104.*

⁹⁹ Известия, № 285. 1941. 3 декабря. С. 3.

¹⁰⁰ Описания категорий «врагов» можно найти в документах военного времени, до сих пор хранящихся в закрытых фондах военных и гражданских архивов страны. Малая толика из этих архивных материалов приведена в сборнике: *Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы / Сост., вступ. ст. и коммент. П. Н. Кнышевского, О. Ю. Васильевой, В. В. Высоцкого,*

С. А. Соломатина. М., 1992. См., например, главы: «По фактам измены», «Ищите женщин».

¹⁰¹ Выделенные слова подчеркнуты следователем.

¹⁰² Дело № П32455. Протокол допроса Кондратьевой М. И. от 7 декабря 1941 г. Л. 10 об.–11.

¹⁰³ Его перевели в другой колхоз (д. Макарово), также председателем, – он и там развалил хозяйство.

¹⁰⁴ В материалах дела, доступных автору, отсутствуют доносы. Но, как правило, нынешние преемники «органов» до сих пор считают стародавние доносы секретными материалами, оберегая имена бывших сексотов (хотя те в большинстве своем уже переселились в мир иной). Почему-то Захарова не допрашивали по делу, но именно этот факт косвенно указывает на то, что он был главным доносчиком, которого власти прикрывали.

¹⁰⁵ Беседа автора с М. И. Гражданкиной, июнь 2000 г. Мария Ивановна Корилина (1916 г. р.) вспоминает: «Тут у нас длинный забирал всех. Захаров. Он и меня хотел забрать. Если б у меня не было ребятишек, а у меня было двое детей, то забрали бы» (Беседа с М. И. Корилиной, лето 1991 г.).

¹⁰⁶ В августе 1941 года Ногинский райисполком издал приказ, по которому на территории района вводилась всеобщая трудовая повинность. (Аналогичный процесс происходил по всей стране.) По этому решению устанавливалось, что «к трудовой повинности привлекается все взрослое население – мужчины в возрасте от 16 до 55 лет и женщины в возрасте от 18 до 45 лет». Председателям сельских и поселковых советов разрешалось привлекать «все взрослое трудоспособное население, не работающее на предприятиях государственной промышленности и на железнодорожном транспорте, к полевым работам в колхозах по месту жительства» (*Даченко Л.* Ногинский райсовет в 1941 году // *Знамя коммунизма.* 1975. № 41. 13 марта). На практике это означало, что на тяжелые работы привлекались все, и тем более подростки обоего пола, невзирая даже на те «либеральные» возрастные ограничения, которые обозначались в приказе. Мальчики и девочки с 11–12 лет направлялись на взрослые, непомерные для их возраста по бытовым и производственным условиям, участки «трудфронта». Так было и с Шурой Кондратьевой, и с ее братом Сергеем. А старшая Ольга попала в так называемый «строительный батальон».

¹⁰⁷ На лугу возле Зубцов в землю были вкопаны столбы. Таким образом создавался загон для скота, уберегавший животных от болота. Каждую весну разливающаяся река сносила эти заграждения, и их заново укрепляли. Работа не женская, тяжелая. Но для чего надо было «остолблять» поле поздней осенью? По-видимому, речь идет о возведении оборонных сооружений. Может быть, схожих с теми надолбами, которые несколько позже стали в массовом порядке устанавливать на полях района.

С этими надолбами связан один любопытный эпизод, характеризующий работу партийно-государственной машины.

Седьмого ноября, в очередную годовщину большевистского переворота (вскоре после радиотрансляции парада на Красной площади и речи Сталина), из столицы в местный райком партии поступило указание обезопасить поле за одной из деревень (Есино) от возможного немецкого десанта.

Чуть ли не все руководители района срочно прибыли в угрожаемую местность. По их приказу окрестное население, всех, «кто мог держать лом или лопату», согнали на сооружение заградительных надолбов. В действительности даже попытки высадить десант фашисты не предприняли. (Более того, как пишет современный исследователь, на всем московском направлении «врагу не удалось совершить ни одной диверсии в тылу советских войск». См.: *Самсонов А. М.* Москва, 1941 год: От трагедии поражений – к великой победе. М., 1991. С. 104.) Однако с того дня подобные работы стали проводить «на всех больших полях района», сгоняя туда народ. Вокруг пустырей создавались посты из активистов для круглосуточного «наблюдения, оповещения и связи». Так аппаратом имитировалась собственная полезная деятельность (*Красильников Н. А.* В то грозное время // *Знамя коммунизма.* 1976. № 209. 28 декабря).

¹⁰⁸ Дело № П32455. Протокол допроса Кондратьевой М. И. от 7 декабря 1941. Л. 11.

¹⁰⁹ По приказу Верховного главнокомандующего Берия передал через посредников соответствующее предложение Гитлеру, но тот отказался от переговоров о мире, считая, что Москва падет в ближайшее время. «Делая этот шаг к сепаратному миру за спиной политического и военного руководства СССР, – пишет академик Самсонов, – Сталин совершил акт государственной измены» (*Самсонов А. М.* Москва, 1941 год: От трагедии поражений – к великой победе. М., 1991. С. 104).

- ¹¹⁰ Это уже потом эстетствующие интеллектуалы (в России, к примеру, Леонид Андреев) стали находить в Иуде изощренного мудреца, своего рода Сальери, предающего в силу приверженности «идеям».
- ¹¹¹ Здесь и ниже выделенные курсивом слова подчеркнуты следователем.
- ¹¹² Дело № ПЗ2445. Протокол допроса Жданова Н. И. от 1 декабря 1941 г. Л. 14–14 об.
- ¹¹³ Там же. Протокол допроса Серова М. С. от 6 декабря 1941 г. Л. 16–16 об.
- ¹¹⁴ Там же. Протокол допроса Архиреева М. Е. от 1 декабря 1941 г. Л. 18.
- ¹¹⁵ Представляется не случайным, что арестовывать Марфу пришли именно в это время. Доносы на нее копились с лета 1941 года, следственные мероприятия, втайне от подследственной (словно в романе Ф. Кафки «Процесс»), уже проводились осенью, но забирать пришли тогда, когда Красная Армия начала под Москвой наступательные действия. На 5–6 декабря 1941 г. Ставкой Верховного Главнокомандования было запланировано первое крупномасштабное контрнаступление на противника, вплотную подступившего к столице (см.: *Самсонов А. М.* Москва, 1941 год... С. 170). Резонно предположить, что Сталин поставил задачу и перед чекистами – усилить в этот период «бдительность». Это был его излюбленный прием: военная кампания должна сочетаться с операциями тайной полиции против своего народа.
- ¹¹⁶ 16 октября 1941 г. она была уволена «в связи с ликвидацией завода» (Запись в трудовой книжке).
- ¹¹⁷ Согласно церковному календарю 6 декабря не значитесь сколько-нибудь большого праздника. В этот день Церковь чтит память благоверного князя Александра Невского.
- ¹¹⁸ Мария Кондратьева помнит, что на чердаке обнаружили одни наушники, а приемника уже не было. Но это не помешало чекистам обвинять Кондратьевых в сокрытии поломанного приемника.
- ¹¹⁹ Дело № ПЗ2455. Протокол допроса Кондратьевой М. И. от 7 декабря 1941 г.
- ¹²⁰ Как все районные центры, Ногинск до сих пор переполнен улицами, чьи названия восходят к коммунистическим мифологии и пантеону. Указатели, стоящие на городских перекрестках, как

- бы направляют горожан в ушедший советский мир: на улицы «Советская», «III Интернационала», «Комсомольская», Розы Люксембург, Климова (в честь старого большевика А. И. Климова), площадь Бугрова (в память о старом большевике) и т. д. и т. п. Да и самому городу все никак не вернут его старинное имя.
- ¹²¹ ФСБ, как правило, даже родственникам погибшего узника не предоставляет доносы, имеющиеся среди материалов дела. А именно доносы и служили основанием для ареста инакомыслящих и инаковоерующих.
- ¹²² Чин Гомжиной по ведомству Берии указан в документах дела неразборчиво.
- ¹²³ С первых дней войны слово «патриотизм» стало играть важнейшую роль в идеологической пропаганде, хотя «реабилитировали» его еще во второй половине 1930-х годов.
- ¹²⁴ *Белов В. И.* Раздумья на Родине. М., 1989. С. 190.
- ¹²⁵ Дело № ПЗ2445. Протокол допроса Кондратьевой М. И. от 7 декабря 1941 г. Л. 9.
- ¹²⁶ Там же. Л. 9–9 об. На этом окончился первый допрос. Каждый лист «Протоколов допроса», во исполнение «процессуальных норм» (это, дескать, не время ежовщины), аккуратно подписан следователем: «Допросил Платов».
- ¹²⁷ Список «врагов», обнаруженных чекистами в начале войны, приведен выше (с. 108). Пресловутая 58-я статья своими расплывчатыми формулировками давала возможность обвинить в политическом преступлении каждого. Все зависело от «изобретательности» следователя. Наличие в доме радиоприемника могло стать удобным поводом для обвинения. Историки Михаил Геллер и Александр Некрич отмечают: «Среди тех, кем пополняли лагеря во время войны, были новые категории [осужденных]: так называемые распространители слухов и сеятели паники, граждане, не сдавшие радиоприемники» (*Геллер М., Некрич А.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней. Лондон, 1989. С. 416).
- ¹²⁸ Дело № ПЗ2445. Протокол допроса Кондратьевой М. И. от 8 декабря 1941 г. Л. 12–12 об.
- ¹²⁹ Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г. Ст. 40 // Русская Православная

Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 256.

¹³⁰ Наконец Ногинскому исполкому понадобились показатели ударной атеистической работы в районе, и он принял постановление о закрытии целого ряда храмов, находившихся в течение нескольких лет в таком «подвешенном» состоянии:

«Протокол № 54 от 25 августа 1939 г.

4) Слушали: о расторжении договоров... Новосергиевской церкви (Боровковский с/совет)... [и других].

Постановили: Учитывая, что... церковные общины верующих на протяжении 3-х лет не используются, охрана культового имущества и самих зданий отсутствует, в результате чего часть культового имущества расхищена, двадцаток не существует на протяжении двух лет. Поименованные выше общины верующих не платят причитающихся налогов, несмотря на неоднократные предупреждения со стороны Президиума РИКа о полном выполнении принятых по договору обязательств, последние до настоящего времени не выполнили и от выполнения отказываются.

Исходя из этого, президиум РИКа постановляет: расторгнуть договора с общинами верующих... Новосергиевской... [и другими] церквями и изъять у них молитвенные здания и культовое имущество.

Просить президиум МОИКа утвердить это решение» (ЦГИА-МО. Ф. 5849. Оп. 2. Д. 3. Л. 114–115. Протоколы заседания президиума Ногинского исполкома советов РК и КД, июль–сентябрь 1939 г.).

При этом действительную картину религиозной активности населения власти замолчали. По официальному представлению выходит, что храмы брошены верующими, никто о церковном имуществе не заботится и церковная служба никому не нужна. Это совершенно не соответствовало положению дел на местах, чему яркое подтверждение находим в деле Марфы Кондратьевой. Она заботилась о храме, а прихожане хотели, чтобы в храме шли богослужения. Поэтому они не отдали ключи от храма светским властям, да и те, как видно из дальнейшего повествования, не стремились их получить.

¹³¹ Докладная записка хозяйственного отдела ОГПУ в Секретариат Председателя ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР. 13 марта 1932 г. // *РГЦ и коммунистическое государство...* С. 292.

¹³² Мария Чельшева утверждает: «У мамы никаких крестов не было. Она хранила только маленькие чаши для запивки причастия».

¹³³ Дело № П32455. Протокол допроса Кондратьевой М. И. от 8 декабря 1941 г. Л. 12.

¹³⁴ Там же. Протокол допроса Кондратьевой М. И. от 7 декабря 1941 г. Л. 10 об.

¹³⁵ Там же. Протокол допроса Кондратьевой М. И. от 8 декабря 1941 г. Л. 12 об.

¹³⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года.

¹³⁷ Логичным следствием этой «правильной» позиции была просьба, содержащаяся в конце письма Александра Твардовского к своей преследуемой семье: «Писать я вам не могу... мне не пишете». См.: *Твардовский И.* Страницы пережитого // Юность. 1988. № 3. С. 15.

¹³⁸ Там же. С. 18.

¹³⁹ Следующее описание положения крестьян, протестовавших против закабаления государством, относится к послевоенному времени, но характерно и для предшествующего периода. «Наряду с отсутствием в колхозе заработка, гарантирующего прожиточный минимум семье крестьянина, действующая система вынуждала большую часть времени трудиться на государство бесплатно, приводила к повсеместным уклонениям от участия в колхозном производстве, являлась главным тормозом его развития» (*Попов В. В.* Крестьянство и государство (1945–1953). Париж, 1992. С. 224).

¹⁴⁰ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 г. «О повышении для колхозников обязательного минимума трудовой».

¹⁴¹ Дело № П32445. Протокол допроса Жданова Н. И. Л. 14.

¹⁴² Там же. Протокол допроса Серова М. С. Л. 16 об.

¹⁴³ Там же. Протокол допроса Архиреева М. Е. Л. 18.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. Протокол допроса Серова М. С. Л. 16 об.

¹⁴⁶ Фамилия дьякона написана неразборчиво, возможно, что ее следует читать как «Добровин».

- ¹⁴⁷ Рядом приписка следователя: «изъяты при аресте».
- ¹⁴⁸ Дело № ПЗ2445. Л. 20–20 об. Характеристика выдана 1.12.1941 г. еще до ареста Марфы. Подписал характеристику председатель Боровковского сельсовета, коммунист Кирилл Баранчиков, присутствовавший и на обыске у Кондратьевых 6 декабря 1941 г.
Из рассказов родственников известно, что Кондратьевы вступили в колхоз в самом начале 1930-х годов, а не в 1935-м, как указано в «Характеристике».
- ¹⁴⁹ «Обвинительное заключение» составил помощник оперуполномоченного Платов. Свое согласие с ним письменно подтвердил начальник отделения районного отдела НКВД (так значится в бумагах дела) ст. лейтенант Перов.
- ¹⁵⁰ Беседа автора с О. С. Семенчуковой, лето 2000 г. Подчеркнутые слова выделены мной.
- ¹⁵¹ По свидетельству ногинского старожила Нины Николаевны Сидоровой (1925 г. р.), жившей с 1936 по 1944 год по улице III Интернационала в доме под номером 73.
- ¹⁵² По воспоминаниям Сидоровой Н. Н. Другой коренной житель города в своих мемуарах пишет: «...многие бежали [из Москвы] по Горьковскому шоссе, на чем только придется, в том числе и пешком» (*Лепетов Ю. И. Жизнь невозможно повернуть назад // Богородский край: Альманах. Ногинск-Богородск, 2000. № 2 (7). С. 80*).
- ¹⁵³ «О режиме пользования, расходования и экономии электроэнергии на осенне-зимний период 1941–1942 гг. Из решения исполнительных комитетов Ногинского городского и районного советов от 11 декабря 1941 года» // *Голос рабочего: Орган Ногинского ГК и РК ВКП(б), исполкомов горсовета и райсовета Московской области. 1941. 23 декабря. С. 4*.
Решение, как и всегда и во всем в СССР, предполагало не только мероприятия по экономии, но и меры для усиления борьбы с расточителями.
- ¹⁵⁴ Инструкция по срезанию и хранению верхушки клубней картофеля для семенных целей // *Голос рабочего. 1942. № 15. 18 января*.
- ¹⁵⁵ См. выше об инструктивной статье в «Известиях».
- ¹⁵⁶ *Голос рабочего. 1942. № 13. 16 января*.

¹⁵⁷ *Голос рабочего. 1942. № 19. 23 января*.

¹⁵⁸ По представлению Голубниченко и в назидание населению к расстрелу приговорили, например, водопроводчика Отбельно-красильной фабрики Василия Реброва за похищение 643 метров ткани, «предназначенной для обороны страны». Обвиняемый тщетно пытался доказать, что выносил с предприятия лишь лоскуты (*Голос рабочего. 1942. № 66. 26 марта. С. 2*).

Прокурорская судьба

¹⁵⁹ Вполне вероятно, что этому самопризнанию, взятому из Автобиографии прокурора, не следует доверять. Когда нужно представить себя верным солдатом партии, с фактами можно особенно не считаться. Во всяком случае, каких-либо сведений о наличии у Голубниченко боевых наград не имеется.

¹⁶⁰ Не исключено, что наказанию все-таки подвергли только зачинщиков; в таком случае данную подробность Голубниченко от вышестоящих товарищей скрыл.

¹⁶¹ Советская история знает не одно подобное превращение из подневольного раба в хозяина над рабами. Например, один из архитекторов ГУЛАГа генерал Н. А. Френкель вначале был эком. См.: *Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. Париж, 1987. Т. 2. Ч. III–IV. С. 74–77, 126–128*.

¹⁶² «В марте 1939 г. МК ВКП(б) переведен прокурором Ногинского района. В связи с разделением прокуратуры на городскую и районную и выделением самостоятельно города Электросталь в июне 1940 г. назначен прокурором города Ногинска и по совместительству прокурором города Электросталь» (Автобиография. Л. 4).

¹⁶³ В конце 1920-х – начале 1930-х годов одна из высших категорий снабжения, «первая», рассчитывалась по нормам, положенным рабочим главных индустриальных центров страны. Эту норму получал и контингент партийных и советских районных руководителей, установленный из расчета двадцати высших работников на район. См.: Постановление Наркомснаба СССР от 28 ноября 1931 года «О продовольственном снабжении районных руководящих работников»; Постановление СНК СССР от 5 декабря 1931 года «О продовольственном снабжении и лечебной

помощи районным руководящим работникам» (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 18. Л. 34–36; Д. 31. Л. 4. См.: *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1997. С. 90, 97).

¹⁶⁴ *Голубниченко Б. А.* Автобиография. Рукопись. Л. 5.

¹⁶⁵ Характеристика на члена ВКП(б), партбилет 0093773, Голубниченко Б. А. Подписана 27 сентября 1947 г. секретарем Ногинского горкома партии С. Маркешиним.

¹⁶⁶ *Голубниченко Б. А.* Автобиография. Л. 6.

¹⁶⁷ *Там же.* Л. 7. Интересно, что власть предприняла в отношении вот этого «товарища сына»?

¹⁶⁸ См. выше эпизод с пистолетом, найденным на дороге Николаем Кондратьевым (с. 116).

¹⁶⁹ Возможно, как рачительный хозяин, Голубниченко хотел обустроить быт своих рабочих, но, возможно, как опытный управленец, он помнил, что с поста председателя горисполкома его сняли за равнодушие к «задаче улучшения бытовых и жилищных условий трудящихся». Потому и перестраховывался. С финансовой дисциплиной у него и раньше было не все в порядке. Еще в 1953 году его начальство отмечало: «Установлено, что со стороны т. Голубниченко имели место случаи нарушений порядка... финансовых операций» (Личное дело Голубниченко Б. А. Л. 368).

¹⁷⁰ «По сути, он мне стал как отец», – с чувством говорит о своем благодетеле Александр Дубков, благодарный за добро, проявленное к нему когда-то. Но разве и к родному отцу не нужно подходить зряче, чтобы не унаследовать от него духовных пороков? Только культурной и духовной дезориентацией нашего общества можно объяснить эту страсть по восстановлению памятников, прославляющих негодяев и разрушителей родины. Но что говорить о мемориале сталинскому прокурору, создающему в провинциальном Ногинске, если, к примеру, на сайте Московского университета мы можем прочесть слова глубокого почтения к Андрею Януарьевичу Вышинскому. Этот бывший советский генеральный прокурор, певец пыток и чекистских застенков, представлен здесь как выдающийся организатор советской науки, академик, ректор Московского уни-

верситета и радетьель о его преуспевании. О его «подвигах» на поприще бессудных расправ не сказано ни слова, зато отмечены его хозяйственные заслуги: при нем сделан ремонт университета, расширено общежитие. Да и похоронен он в Кремлевской стене! Можно представить, каких историков вырастит этот университет. См. в Интернете сайт Московского университета: <http://www.gov.ru/msu/msutoday/history/rektors/rek.1925.htm>

В глухой Сибири

¹⁷¹ Через тридцать лет после судилища над Марфой, когда народное сопротивление коммунизму было подавлено, в том же здании Ногинского суда состоялся процесс над известным инакомыслящим. Процесс считался открытым, но обстановка его напоминала издевательскую атмосферу трибунала военных лет. «В обеденный перерыв, – писал очевидец события, – на входную дверь [помещения суда] снаружи был повешен большой амбарный замок, и после перерыва суд возобновился; он – формально открытый – шел под замком!» Правда, были и существенные отличия: в зал судебного заседания все-таки пустили ближайших родственников подсудимого, а у дверей суда стояла горстка людей, сочувствующих жертве. Академик Андрей Сахаров оставил описание того октябрьского дня 1971 года (*Сахаров А. Д.* Воспоминания. В двух томах. Т. 1. М., 1996. С. 532–533).

¹⁷² Впрочем, наличие в судебном процессе других обвиняемых не отражено в материалах судебного заседания. О том, что одновременно судили группу лиц, рассказали дочери Марфы, 24 декабря 1941 года стоявшие под дверью трибунала. Косвенное подтверждение показательного характера суда над Марфой Ивановной автор встретил в сообщении Елизаветы Алексеевны Ластовой (1914 г. р.): «В Зубцово забрали Марфу Гаранину (девичья фамилия Марфы. – *Прим. автора*) одновременно с Матвеем Колосовым (он в церкви прислуживал, свечки там продавал) и Иваном Чуиным...» (Беседа с Е. А. Ластовой, 1991 г.). Колосов и Чуин – крестьяне близлежащих деревень, входивших в Новосергиевский приход, в котором М. И. Кондратьева была старостой.

- ¹⁷³ А. И. Терехов был в это время председателем Ногинского райисполкома. В описываемую эпоху властные структуры дублировались в каждом крае, области, районе: горком партии и горисполком управляли городским центром, а райком и райисполком контролировали сельскую местность. Подобный параллелизм партийно-государственных учреждений способствовал укреплению в провинции власти Москвы. Советские чиновники были не только жестко отгорожены материальными и психологическими барьерами от основной массы народа, но и воспринимали себя «народом избранным», имеющим другие цели и чаяния, чем управляемые ими массы. Неудивительно, что в критические для существования страны моменты истории номенклатура действовала, прежде всего, в соответствии со своими корпоративными интересами. В сентябре 1941 года в Ногинске был сформирован необычный партизанский отряд, состоявший, в основном, из номенклатуры районного масштаба. Его возглавлял А. И. Терехов. В случае захвата ближнего Подмосковья немецкими войсками, отряд должен был вести разведывательно-диверсионную деятельность. Обычные граждане, движимые естественным чувством патриотизма, не могли попасть в это полуконспиративное воинское соединение. Для того чтобы послужить родине, им не хватало «сознательности».
- Интересно, что Н. А. Красильников, бывший инструктором райкома партии и одновременно рядовым Ногинского партизанского отряда, вспоминал, что среди районных активистов, входивших в отряд числились и председатель колхоза Василий Захаров, и «рядовой коммунист» (на самом деле – председатель сельского совета) К. Баранчиков, принимавшие участие в гонениях на Марфу Кондратьеву (*Красильников Н. А.*, инструктор организационного отдела Ногинского райкома партии. В то грозное время // *Знамя коммунизма*. 1976. № 209. 28 декабря).
- ¹⁷⁴ В бумагах ногинского Бюро технической инвентаризации указано лишь, что здание построено «до 1917 года». Скорее всего, его возвели в семидесятые годы XIX века.
- ¹⁷⁵ Подобные танцплощадки, построенные на костях, возникли повсеместно. В Нижнем Новгороде на месте Петропавловского кладбища устроили парк (сейчас – имени Ивана Кулибина) с танцплощадкой, который народ прозвал «Парк живых и мертвых». На печальную судьбу этого места осторожно указывал в

позднесоветское время местный краевед: «Вертятся пестрые карусели, шумит танцплощадка, сухо щелкают выстрелы под сводом тира, а деревья... беспризорны. Некому вычистить эти аллеи от умирающих стволов...» (*Адрианов Ю. А.* Нижегородская отчина. Книга вторая. Горький, 1984. С. 250). Еще к географии «живых и мертвых». В самом Ногинске на месте бывшего старообрядческого кладбища возвели дома и проложили шоссе. «Одна его сторона, – читаем современное описание, – в просторечии именуется “живыми”, а другая “мертвыми”». (*Дукельский В., Туманов С.* Богородская утопия // *Еженедельный журнал*. № 5, 2002. С. 35.)

- ¹⁷⁶ Согласно протоколу судебного заседания, перед трибуналом выступили все три свидетеля (все трое, конечно, представляли обвинение): Н. И. Жданов, М. С. Серов, М. Е. Архиреев (Дело № ПЗ2455. Протокол судебного заседания от 24 декабря 1941 г. Л. 32).
- Протокол носит характер неряшливо составленного конспекта. Например, на первой странице фамилия одного из свидетелей указана неправильно: вместо Архиреева стоит Архипов. Уточняющей приписки нет. Через несколько листов (л. 33) фамилия его уже написана верно. Описка характерная. Не все ли равно, кто свидетель и как его зовут? Он скажет то, что ему велел следователь!
- ¹⁷⁷ Внешний вид материалов судебного заседания, небрежно, крайне неразборчиво и просто неграмотно написанных от руки, носит, как уже отмечалось, характер обрывочного конспекта и говорит о том, что приговор был предreshен, а секретарь суда выполняла лишь скучную формальность. Марфа в последнем слове просила, чтобы в качестве свидетелей допросили «нескольких колхозников» (так записано в этих «черновиках»), но судьям выяснение истины было ни к чему. Просьбу отклонили.
- ¹⁷⁸ Вот еще несколько деталей процесса. Увидев пришедшую в здание суда старшую сестру, Сергей изо всей силы крикнул, надеясь, что мать услышит: «Ольга пришла!»
- Рассказ Ольги Степановны дополняют воспоминания Сергея Кондратьева: «В зал суда нас не пустили. Мы стояли у стеклянной перегородки. Что говорили за ней, не было слышно. Только когда маму вывели, она единственно успела сказать, чтоб

меня берегли старшие. И добавила: «Мне дали семь лет, и пять лет высылки». Все. Мы рот открыли, и больше я ее не видел. Мать увели, увезли».

¹⁷⁹ Поначалу ее ждал пересыльный пункт в Москве: «Секретное» отношение начальника тюрьмы № 10 УНКВД Московской области в Ногинский военный трибунал Московского военного округа.

¹⁸⁰ См. выше «Характеристику» на М. И. Кондратьеву, предоставленную в НКВД Боровковским сельсоветом. С. 135–136.

¹⁸¹ Жительница д. Зубцово.

¹⁸² Жительница д. Новосергиево.

¹⁸³ Жительница д. Боровково.

¹⁸⁴ Беседа с автором: 1991 г.

¹⁸⁵ *Солоухин В.* Черные доски (Записки начинающего коллекционера) // Солоухин В. Время собирать камни. М., 1990. С. 190–192.

¹⁸⁶ После вступления в колхоз он как-то сник и разом превратился в «дедушку».

¹⁸⁷ Письмо мужу и детям от 14 апреля 1943 г.

¹⁸⁸ Письмо от 13 января 1943 г.

¹⁸⁹ Письмо от 3 сентября 1942 г.

¹⁹⁰ Письмо от 23 октября 1942 г.

¹⁹¹ Письмо № 4, осень 1942 г.

¹⁹² В начале XX столетия в Богородском уезде имелись влиятельные группы кадетов и эсеров, преемственно связанных с народническим движением. Единственная уездная газета, «Богородская речь», принадлежала либеральному лагерю. О влиянии «кадетской» интеллигенции на политическую жизнь края вынужденно упоминала и советская печать. См., например: *Октябрь в Богородске. О революционных событиях в Богородском уезде и их участниках.* Ногинск, 1957. С. 79, 111.

«За счастье народное»

¹⁹³ *Константин Аггеев*, прот. На ком вина? // Слово: Ежедневная церковно-общественная, политическая и литературная газета. Киев, 1918 г. № 13. 16 октября. С. 1.

¹⁹⁴ До революции улица Лебедевой называлась Александровская, по имени царя, в убийстве которого народоволка и участвовала.

¹⁹⁵ *Степняк-Кравчинский С. М.* Подпольная Россия // Степняк-Кравчинский С. М. Сочинения в двух томах. М., 1987. Т. 1. С. 354.

¹⁹⁶ Там же. С. 362.

¹⁹⁷ По так называемому «процессу 193-х».

¹⁹⁸ «Чувствуется, что прокламация написана не здраво рассуждающим политиком, а человеком чувства, энтузиастом, жертвующим своею жизнью для блага любимого народа...», – писал публикатор листовки и сам бывший участник народолюбческого движения. См.: *Шилов А.* Из истории революционного движения 1860-х гг. Прокламация «Друзьям-рабочим!» Д. Вл. Каракозова // Из истории революционного движения в России Статьи, воспоминания, материалы. М., 1919. Вып. 2. 1846–1910 гг. С. 165.

¹⁹⁹ Записка министра юстиции графа Палена // Былое. 1907. № 9. С. 273.

²⁰⁰ Характерна, например, мысль анархиста князя Петра Кропоткина о воспитательном значении террора. После неудачного покушения на Александра II, совершенного недоучившимся студентом, тридцатилетним Александром Соловьевым (1879 г.), князь писал: «Несомненно, [выстрел этот] отзовется сильным эхом в миллионах крестьянских изб, где нужда и нищета убили всякую надежду на лучшее. Этот выстрел разбудит спящих и заставит лишний раз подумать о том, за что борются революционеры».

²⁰¹ Все члены Исполнительного комитета автоматически являлись и агентами третьей степени (*Гинев В. Н., Цамутали А. Н.* В борьбе за свободу // «Народная воля» и «Черный передел». Воспоминания участников революционного движения в Петербурге в 1879–1882 гг. Л., 1989. С. 25).

²⁰² Выражение близкого друга Лебедевой, знаменитого Михаила Фроленко (*Фроленко М. Ф.* Липецкий и Воронежский съезды // Там же. С. 63). Эту характерную, нарочито подчеркнутую твердость собственных убеждений, отражавшуюся в речи нигилистов, подметили великие русские писатели, создавая образы молодых интеллектуальных радикалов (Базаров, Родион Раскольников и т. д.).

²⁰³ Мы, революционеры, можем быть лишь «орудиями истории», – писал в старости Фроленко, – организовывающими народ для

будущей революции (*Там же*. С. 64). В этих словах, несомненно, прослеживается связь с древними мифами об организующем мужском начале «героев», проливающих свою формообразующую энергию на пассивные массы, олицетворяющие начало женское.

²⁰⁴ О «могучей красоте волос и глаз» Лебедевой, сообщавшей ее облику «нечто таинственно могучее», вспоминает ее единомышленница и товарищ по заключению. См.: *Брешко-Брешковская Е. К. Из воспоминаний // Из истории революционных движений в России. 1846–1910. Статьи, воспоминания, материалы.* М., 1919. С. 208.

²⁰⁵ Осуждена в 1882 году по так называемому «процессу двадцати народовольцев», среди которых был и М. Ф. Фроленко. Его также приговорили к смертной казни, замененной бессрочной каторгой.

²⁰⁶ За осужденных на казнь женщин-террористок, в частности, вступился Виктор Гюго. За несколько лет до того французский писатель уже защищал русского анархиста Л. Н. Гартмана, участвовавшего в покушении на царский поезд 19 ноября 1879 г. под Москвой. См.: *Алексеев И. И. Участница покушения на императора Александра II: Очерк // Красная Нива: Издание «Известий ВЦИК СССР и ВЦИК».* Москва, 1926 г. № 28. 20 августа. С. 16.

По слухам того времени, русское правительство пошло на смягчение приговора также и под давлением ряда европейских посольств в Санкт-Петербурге. См. упоминание об этом в: *Дубенская Е., Буланова О.* Татьяна Ивановна Лебедева – член исполнительного комитета партии «Народная воля». М., 1930. С. 20.

²⁰⁷ И в новейшей истории Лебедевой не посчастливилось. Правда, с первых лет советской власти ее имя попало в социалистические святцы. Ее родительский дом, двухэтажный деревянный особняк с мезонином, в котором Татьяна выросла, был объявлен памятником истории. На здании, прекрасном образчике провинциальной архитектуры старого времени, установили белую мраморную доску с бесхитростной надписью, гласившей, что здесь «родилась и жила... участница убийства Александра II». Однако в 1990 году особняк оказался в зоне строительства нового жилого девятиэтажного («элитного») здания, и руководство района решило пожертвовать памятником. На возражения краеведов первый секретарь Ногинского комитета КПСС Вик-

тор Думный изрек: «Лебедева убила хорошего царя, и не стоит беспокоиться о судьбе ее дома».

«Не забудьте меня»

²⁰⁸ Протокол подготовительного заседания. Л. 28.

²⁰⁹ Очерк «Народная интеллигенция» из цикла «Власть земли», напечатанного в 1882 г. См.: *Успенский Г.* Теперь и прежде. М., 1977.

²¹⁰ *Там же*. С. 217.

Тонкое наблюдение Успенского касательно того, что культурную миссию в русской деревне брали на себя благочестивые люди, перекликается с более поздними мыслями киевского богослова и религиозного мыслителя Василия Экземплярского об особенном характере русского старчества. «Наше старчество, – писал он в 1917 году, – едва ли не с первых дней своего появления... явилось не столько монашеским, сколько народным... В нашей народной жизни монастыри имели значение... центров для народного сознания, к которым тянулся народ во все времена и преимущественно в годы особенной тоски и печали...» (*Экземплярский В. И.* Старчество. Доклад, прочитанный в Киевском религиозно-просветительском обществе // *Дар ученичества: Сборник / Сост. П. Г. Проценко.* М., 1993. С. 220, 223).

²¹¹ Письмо от 23 августа [1942 г.].

²¹² Письмо от 14 апреля 1943 г.

²¹³ Письмо от 21 января 1943 г.

²¹⁴ *Там же*.

²¹⁵ Регулярно пропадали и письма, как от Марфы, так и к ней. Например, в феврале–марте 1943 года она не получила ни одного письма. Сама она регулярно отправляла три письма в месяц и удивлялась: «Не знаю, почему вы не получаете их». Мария Кондратьева послала из армии в лагерь 24 посылки, и ни одной мать не получила. Вернее, одна посылка дошла, но в ней оказались только портянки! В пропавших посылках были и сухари, и крупы, а между тем ее мать умерла от истощения.

²¹⁶ Письмо от 14 апреля 1943 г.

- ²¹⁷ Письмо от 21 января 1943 г.
- ²¹⁸ Там же.
- ²¹⁹ Письмо от 14 апреля 1943 г.
- ²²⁰ Там же.
- ²²¹ Письмо от 3 сентября [1942 г.].
- ²²² Имеется в виду в августе 1942 г.
- ²²³ В несохранившемся письме из концлагеря Марфа писала дочери Маше в действующую армию: «Михаил Иванович Калинин меня помилował. Дай Бог ему здоровья. Не знаю только, как доеду домой» (Цитата приведена по рассказу Чельшиевой М. С., записанным автором в августе 2000 г.).
- ²²⁴ Марфа Ивановна узнала о его смерти лишь в сентябре того же года. См. ее письмо от 3 сентября 1942 г. Сергей Кондратьев вспоминает: «Получаем мы письмо от его фронтового друга. После боя они стояли и курили на опушке леса под Старой Руссой, и вдруг, пишет его товарищ, я смотрю, у Ивана нет головы. Осколком бомбы ему отрубило голову». См. также: *Книга памяти погибших, умерших и пропавших без вести воинов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.* Т. 16. Ч. 1. М., 1995. С. 259.
- ²²⁵ В инициалах Ивана сделана ошибка: вместо «И. С. Кондратьев» указано «Н. О. Кондратьев».
- ²²⁶ В справке о смерти Марфы, выданной Ногинским ЗАГСом ее детям, причиной кончины указан миокардит. Конечно, это была лишь чиновничья отписка. Даже судя по одним только письмам Марфы Ивановны, в концлагере она превратилась в «доходягу», истощенного и физически, и психически.
- ²²⁷ А. В. Беляков (1897–1982) – вместе с В. П. Чкаловым и Г. Ф. Байдуковым в качестве штурмана участвовал в знаменитых беспосадочных перелетах Москва – о. Удд и Москва – Северный полюс – США (1936–1937). Генерал-лейтенант авиации (1943 г.). Член КПСС (1936 г.).
- ²²⁸ ЗАГС также был подведомствен НКВД. На печати, венчающей бланк свидетельства о смерти, оттиснуто: «Народный комиссариат внутренних дел, управление НКВД по Московской области».
- ²²⁹ Когда сейчас обыватели возмущаются тем, что военкоматы не сообщают точных данных о гибели их детей в Чечне, или на ко-

- раблях ВМФ, или в других «горячих точках», то забывают, что эту традицию заложили наши «органы» и их взгляд на секретность всего, что касается жизни и смерти граждан страны, до сих пор преобладает в государственных инстанциях.
- ²³⁰ Голос рабочего. 1941. № 296. 14 декабря. С. 3.
- ²³¹ Возмездие настигло Архиреева без участия Кондратьева. Через десять лет после описанного случая дочка Архиреева выгнала своего отца из дому, и он, соорудив шалаш на реке Шерне, принужден был там обосноваться. Простудился и вскоре умер. (Другой доносчик, Серов, в войну попал в плен к немцам, и они казнили его мучительной смертью, привязав к согнутому дереву.)
- ²³² Она хотела остаться дома, чтобы хлопотать о матери. Но отец ей передал: «Иди, а то тебя саму будут судить».
- ²³³ «Очень нас презирали», – вспоминает О. С. Семенчукова.
- ²³⁴ В армии Марию Степановну вынудили вступить в ВКП(б). Но когда во время военной операции она принимала участие в форсировании Днепра, все ее документы пропали. Больше она в партии не состояла.
- ²³⁵ Лечила она его так: разрежала пополам большой лист столетника, смазывала его маслом, приготовленным из коровьего молока, и прикладывала компресс к руке. Хирург, увидев результат ее работы, сказал Сергею: «Что ж, твое счастье!»
- ²³⁶ Степан Кузьмич, несмотря на то что жених дочери происходил из партийной семьи, настоял на венчании молодых. Но на свадебной церемонии он не присутствовал. Ольга Семенчукова свидетельствует: «Отец сквозь зубы разрешил Шуре идти замуж за Виктора».
- Степан Кузьмич благословил жениха и невесту в своем доме и за порог его не вышел. Свадебный поезд уехал в стромыинскую церковь. После венчания отец невесты должен присутствовать при встрече новобрачных, вручая, по обычаю, им хлеб и соль. Но он остался у себя в избе и в тот день даже не пригубил вина.
- ²³⁷ Терпение его лопнуло после того, как в гости зашел Николай Иванович Жданов, приехавший из города на свадьбу сына. Степан Кузьмич никому ничего не сказал, но через несколько дней дом продал. Ольга Степановна поясняет: «Сказать в открытую, что не хочет с Виктором жить, он не мог по складу своего характера. Вот молча и сделал, как считал нужным».

Степан Кондратьев умер 8 мая 1959 года, на пасхальной неделе, в возрасте восьмидесяти лет. Похоронен на «Красную горку» (Фомино воскресенье).

Вот несколько черт внешнего облика Степана Кондратьева, запомнившихся его близким родственникам и в какой-то степени характерных и для многих тружеников, ушедшей России. Он был очень аккуратным, чистоплотным даже в мелочах, во всем у него соблюдался определенный, раз заведенный, порядок. Во дворе у него возвышалась такая поленница, что «проведешь по ее краям пальцем и не порежешься, поленья были как полированные».

Бороду свою расчесывал специальным гребешком, хранившимся в футляре, а для усов имелась отдельная щетка, и та находилась в особом чехольчике. Носовой платок и платок для лица и рук у него лежали отдельно.

В последние годы перед смертью он жил у одной из дочерей, Марии Чельшевой (1924–2002), которая работала в то время в ночную смену. Двое ее маленьких дочерей оставались на попечении деда. «Он с нами посиживал и следил, чтоб мы никуда не убежали. Для этого усаживал нас с сестренкой за тот край стола, что был у стены, сам садился у другого края и палкой закрывал проход. А когда мы с Любаней все же обманем его, под столом пролезем и убежим, то он сидит и горько плачет» (По воспоминаниям внучки С. К. Кондратьева Н. Н. Мальцевой, 1949 г. р.).

Список иллюстраций

1. Дом в деревне Боровково Ногинского района (Богородского уезда) Московской области. Конец XIX в. В этом доме, у соседей, Марфа Гаранина подрабатывала в Первую мировую войну. Фото 2000 г.
2. Светелка в одной из деревень Богородского уезда (д. Тимково; конец XIX – начало XX вв). В подобном ткацком «цеху» работал Иван Гаранин, отец Марфы. Фото 1960-х годов.
3. Надежда Гаранина (1860?–1940), мать Марфы. Дочь ненадолго пережила ее. Фото 1930-х гг.
4. Бравый солдат на государевой службе. Степан Кондратьев, будущий муж Марфы (сидит в центре за столом), накануне отъезда на войну с Японией. 1904 г. (?) Город Остров Ломжинской губернии (Царство Польское).
5. Счастливые супруги. Степан и Марфа Кондратьевы. Первая половина 1920-х гг.
6. Фекла Кондратьева (1898–1986), падчерица Марфы. Возле приходского храма в д. Новосергиево, Богородского уезда. 1920-е годы (?).
7. Надежда Гаранина с внуками Ольгой и Николаем (детьми Марфы). «Бабушка нам на печи сказки сказывала и молитвы». Конец 1920-х гг. Задник – бутафорский «райский» уголок в фотоателье. Богородск.
8. Степан Кондратьев со своими детьми. Слева направо: Ольга, Александра и Мария. Начало 1930-х гг. На заднике еще один вариант земного «рая».
9. Марфа Кондратьева с детьми. Стоят (слева направо): Ольга Кондратьева, Николай Гаранин (племянник Марфы, будущий ректор одного из московских институтов). Сидят (слева направо):

- Александра, Сергей (на руках матери) и Мария Кондратьевы. 1931 г.
10. «Утешительница крестьян» – монахиня Ефросиния (Е. В. Хрулькова, ум. 1968) из деревни Песьяны бывшего Богородского уезда. Фото 1950-х (?) гг.
  11. Степан и Марфа Кондратьевы. Парадный фотопортрет предвоенных лет. 1940 (?) г.
  12. Марфа Кондратьева с младшим сыном. 1931 г. Фрагмент фотографии № 9.
  13. Монахиня Ефросиния (на руках у хожалки). Узнав об аресте Марфы, сказала ее детям: «Она теперь ваши грехи отмолит». Фото 1960-х. (?) гг.
  14. Тюрьма в городе Ногинске (Богородске). Современный вид. Фото 2000 г.
  15. Прокурор Ногинского района Б. А. Голубниченко. «Вышинский районного масштаба» закончил государственную службу начальником банно-прачечного треста. Фото 1950-х (?) гг.
  16. Показательный выезд чекистов в деревню – помочь колхозникам «в борьбе за урожай». Бойцы «невидимого фронта» у молотилки на сельском гумне. Крайний справа (стоит у столба) С. И. Лыткин (1904 г. р.), выдвиженец из деревни, окончивший в 1929 году Коммунистический вуз. Деревня Высоково Ногинского района. Начало 1930-х (?) гг.
  17. Слева – Иван Степанович Кондратьев (пасынок Марфы) после возвращения с Финской войны и незадолго до гибели на Великой Отечественной. Рядом стоит его дядя, Иван Кузьмич Кондратьев (младший брат С. К. Кондратьева), отбывший свой лагерный срок по бытовой статье и служивший в ВОХР. 1940 (?) г.
  18. Народный суд города Ногинска. Его стены видели многих невинно осужденных, большинство из которых были крестьянами. 1934 год. Из собрания Ногинского (Богородского) краеведческого музея.
  19. Подневольный труд.
  20. Письмо-треугольник из концлагеря. 1942 г. Адрес Марфы: «почтовый ящик № 247/3» (Мариинские концлагеря, Новосибирская область).
  21. Жизнь – за пайку.
  22. Письмо из концлагеря, пришедшее по адресу старшей дочери в поселок Затишье Московской области. 1943 г.
  23. Народоволка Татьяна Лебедева, участница покушения на императора Александра II, освободителя крестьян.
  24. Т. И. Лебедева (1853–1887), член Исполнительного комитета террористической партии «Народная воля».
  25. Марфа Кондратьева. Конец 1930-х (?) гг.
  26. Справка о посмертной реабилитации М. И. Кондратьевой (1993).
  27. Из личного «Помянника» С. К. Кондратьева. Вехи мученической судьбы русской крестьянки в XX веке: день ареста жены, день суда над нею и день ее смерти в сибирском концлагере, «52 лет» от роду.
  28. «Свидетельство о смерти» М. И. Кондратьевой. Выдано в 1944 году. Указана ложная причина смерти, не проставлено место гибели.
  29. Дети Марфы Кондратьевой после окончания войны (слева направо): Ольга, Николай, Мария (последние двое вернулись из действующей армии). 1945 гг.
  30. Старший сержант Мария Кондратьева (слева) с рядовой Машей-татаркой и воспитанником Красной Армии, сыном полка Леней. Прибалтика. В лесу вблизи местечка Плунгены. 8 июля 1945 г.
  31. Среди боевых товарищей. Старший сержант Мария Кондратьева, вторая справа. На обороте надпись: «На долгую память от воинов-победителей». Литва. Возле г. Плунгены. 8 июля 1945 г.
  32. У гроба Степана Кузьмича Кондратьева (умер 8 мая 1959 г. на Пасхальной неделе). Слева направо стоят дочери: Мария Чельшева, Александра Жданова, Ольга Семенчукова. В центре стоит внучка Валентина (дочь Феклы). Справа – сын Сергей Кондратьев.
  33. Храм, спасенный Марфой Кондратьевой. Современный вид. Деревня Новосергиево Ногинского района Московской области. Фото 2000 г.

Автор приносит благодарность за предоставление ряда снимков Богородска и Богородского уезда Главному хранителю Ногинского краеведческого музея С. В. Назиной и краеведу М. В. Золотареву.

Мир и человек: история равновеликих

Автор этой книги, Павел Григорьевич Проценко, – известный историк, археограф, публицист. Его исторические исследования – особого рода. В основном, они посвящены неофициальной духовной истории России в много-страдальном XX столетии. И сама источниковая база трудов Проценко – не только и даже подчас не столько материалы государственных архивов или печатных изданий, сколько документы архивов личных, казалось бы случайно слагавшихся и чудом уцелевших за годы тоталитарной власти. Наряду с документальными свидетельствами, как правило, широко используются записи устных свидетельств доживших до нашего времени участников событий. Работу с документами П. Г. Проценко всегда дополняет общением с людьми – с прямыми очевидцами или с теми, кто несет нам историческую информацию через целую цепочку людских опосредований. Так – путем огромных усилий историка – восстанавливается и отчасти возвращается нашему сознанию и нашему человеческому опыту «утраченное время». Утраченное не только по самой природе необратимости времен или по природе человеческого забвения, но и вследствие особой государственной политики насаждения исторического и духовного беспамьятства.

Именно в таком ключе написана одна из лучших книг П. Г. Проценко – биография Варнавы (Беяева; 1887–1963),

епископа Васильсурского¹. И вот теперь в наших руках еще один биографический труд, созданный П. Г. Проценко и на сей раз содержащий жизнеописание не церковного иерарха и интеллектуала, но простой русской крестьянки из дальнего Подмосковья Марфы Ивановны Кондратьевой, урожденной Гараниной (1891–1943), осужденной по вздорному обвинению и угасшей в сибирском концентрационном лагере. По ее же словам – «на чужой стороне, в глухой Сибири, в крутых горах» (письмо, датируемое осенью 1942 г.). И это как раз в то время, когда родные и, прежде всего, дети Марфы Ивановны, разлученные с нею, надрывались в колхозе и на трудовой повинности, сражались на фронтах Великой Отечественной...

Подобно книге о епископе Варнаве, книга о Марфе Кондратьевой написана тем же методом. Это кропотливое историческое исследование, хотя и снабженное демонстративно скромным подзаголовком: «Документальная повесть». Однако перед нами не старомодная документальная биография, а современное историческое исследование. Углубленный подход к довольно скудной источниковой базе (личные случайно сохранившиеся письма, в частности письма из лагеря, судебно-следственные материалы, документы казенной идеологии, отрывочные личные свидетельства) превращает историю отдельной личности в неотъемлемый элемент истории всероссийской, а через нее и истории всечеловеческой.

Вообще, книга Проценко о судьбе русской крестьянки Марфы Кондратьевой, сумевшей пронести глубину своей христианской веры и любви к семье и землякам через годы гнета и преднамеренного растления, – эта книга создавалась в русле самых серьезных исканий исторической науки конца прошлого XX века. Смысл же этих исканий связан с попытками переоткрыть «большую историю» (историю региональную и глобальную)

через работу над источниками по истории «малой» – отдельных личностей², малых групп, малых местностей. При таком подходе микроистория насыщается смысловым богатством истории всемирной, а последняя приобретает человеческую трепетность, теплоту и конкретность.

Из сказанного не вытекает апологии того, что в былые времена называлось фактособирательством и мелкотемьем. Действительно, невозможно объять отдельной монографией каждую местность, каждую малую группу, каждый краткий отрезок времени, каждого прошедшего по лицу Земли человека. Не вытекает из сказанного и принижения крупномасштабных исследовательских задач.

Здесь о другом речь: о нужде в проблемной и историковедческой насыщенности исторических повествований. Да к тому же и опыт художественной литературы (скажем, «Один день Ивана Денисовича» Александра Солженицына) свидетельствует о том, сколь вместителен может быть микроисторический масштаб.

Суть этого переворота в исторической науке запечатлена в том определении истории, которое дал Фернан Бродель. По его словам, история есть «хронологическая последовательность форм и опытов», постигаемая через понятия о внутреннем средстве «макрокосма» и «микрокосма»³. Автор этого определения – историк сугубо светский. Но для христианского мышления и для христианской души это определение представляется особо насущным. Ибо без понятия о том, что человеческая личность, проявляющая себя на разных уровнях социальности и культуры, есть живое ядро жизни и истории, все наши разговоры и исследования о «национальном», «региональном» или «глобальном» рискуют обернуться пустотой. Столь трудно дающиеся не только

обыденному, но и академическому сознанию библейские и христологические понятия о духовной равновеликости человеческой личности и Вселенной, о том, что через личность живет, внутренне очищается и искупается Вселенная, – эти понятия стали ныне подлинной основой всей проблематики преемственности, обновления и выживания в нынешнем мире.

В книге Проценко действуют три больших проблемных персонажа:

сама героиня книги – Марфа Ивановна Кондратьева и ее ближайшее (семейное и деревенское) окружение;

русское крестьянство;

система тоталитарно-бюрократического насилия над народом, включающая в себя и мелких функционеров на уровне Ногинского района Московской области, и сельских доносчиков.

Кто-то несет поражение в истории, но безмолвно и неприметно торжествует в духовном домостроительстве Царства Божия: воистину, то, что в истории сеется в слезах и тлении, в Вечности восстает в нетлении и торжестве. Кто-то оказывается в положении жертв, травимых и преследуемых; но в перспективе времени и Вечности судьба этих жертв оказывается источником не только чувств ужаса, сострадания и раскаяния, но и чувств преклонения и благоговения.

Тот, кто сколько-нибудь глубоко входил в историю армянского геноцида, совершенного агонизировавшей Османской империей, или в историю советской «коллективизации», или в историю учиненного национал-социалистами антиеврейского Холокоста, наверняка ведает это смешение чувств благоговения и отчаяния. Отчаяния перед непоправимостью содеянного и благоговения перед памятью жертв. А тот, кто, торжествуя на несколько исторических мгновений, утверждал себя в деяниях и систе-

мах массового человекоубийства, становится перед временем и Вечностью объектом ужаса и отвращения.

И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

А мы – выжившие и продолжающие эстафету жизни – тем не менее, можем оказаться в несомненном проигрыше обделенности и стыда. И проигрыш этот может тянуться долгие и неприкаемые десятилетия.

История – увы – чаще всего развивается через конфликты и разломы. Сами же эти исторические разломы, коренящиеся в грешной природе человека, чрезвычайно тяжелы не только сами по себе, но и тем, что возлагают на последующие поколения задачу восстановления некоторой культурной и духовной преемственности. Но когда эти разломы усугубляются тоталитарными идеологиями с их притязанием садически крушить мир, исходя из презумпции собственной всеправоты, – последствия могут оказаться непоправимыми. И не только на социальном и культурном уровнях, но и на уровне биогенетическом⁴.

Прошлое – непреложно и во многих отношениях непоправимо. Убиенных – не вернуть, нравственно и физически изуродованных – не исцелить. И все же исторические исследования, историческая наука – совершают некоторый подвиг покаяния и очищения. И не только ради прошлых, но и ради будущих поколений. Вообще, историческая наука есть во многих отношениях процесс соборно-человеческого противления смерти⁵. Этот процесс особенно важен сейчас у нас, в нынешней России, когда миллионы людей предпочитают пребывать в состоянии душегубительного неведения обо всем совершившемся за годы большевистской диктатуры –

Содержание

от первых глумлений и убийств «великого октября» до Чернобыльской аварии.

Можно спорить с книгой Павла Григорьевича Проценко по ряду второстепенных деталей, но я хотел бы обратить внимание читателя на ценность и – не побоюсь сказать – филигранный характер этого исследования.

Труд Проценко – исследование внутренней жизни крестьянской семьи в ее динамике, судеб и свидетельств исчезнувших или почти исчезнувших людей, почти исчезнувших семейных или сельских преданий, почти исчезнувших документов и ландшафтов (в частности, сопредельных ландшафтов Владимирской и Московской губерний). Это труд пробуждает в нас чувство духовной сопричастности тем людям и событиям, которые, казалось бы, безвозвратно ушли из мира, но каким-то непостижимым образом взаимодействуют с нами в контексте Вечности.

Евгений Рашковский,

доктор исторических наук
02.05.02 (Великий Четверг)

¹ Проценко П. Г. Биография епископа Варнавы (Беляева). В Небесный Иерусалим: История одного побега. Н. Новгород: Изд. Братства во имя св. князя Александра Невского, 1999.

² Просьба не путать этот подход с популярным биографическим жанром, где реконструкция индивидуальных судеб является самоцелью.

³ Бродель Ф. Динамика капитализма / Пер. В. Колесникова. Смоленск: Полиграмма, 1993. С. 83, 84.

⁴ См.: Воронцов Н. Н. Войны, революции, застой – эволюционные последствия // Знамя. М., 1995. № 7.

⁵ См.: Рашковский Е. Б. На оси времен: Очерки по философии истории. М.: Прогресс-Традиция, 1999.

13	Полвека спустя
21	Крестьянское домостроительство
35	Колхозное рабство
53	Староста храма
99	Гроза 1941 года
147	Прокурорская судьба
165	В глухой Сибири
183	«За счастье народное»
197	«Не забудьте меня»
223	Приложение. Письма Марфы Кондратьевой из концлагеря
237	Примечания
269	Список иллюстраций
273	Послесловие. Евгений Рашковский. Мир и человек: история равновеликих

Проценко Павел Григорьевич

Цветочница Марфа

Документальная повесть

Редакторы В. Б. Кудрявцев, И. З. Дьякова

Художник С. Б. Трофимов

Верстка В. И. Рохлин

Корректор К. П. Проценко

ЛР № 040399 от 03.03.98

Подписано в печать 01.07.2002

Формат

Усл. печ. л.

Тираж 2000 экз.

E-mail: moskvin.rp@mtu-net.ru

Сайт издательства:

www.rp-net.ru или русский-путь.рф

ЗАО «Русский путь»

109004, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1

Тел. (095) 915-10-47

Отпечатано в типографии ФГУИПП «Янтарный сказ»

236000 г. Калининград, ул. К. Маркса, 18